

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных трудов

Выпуск 16

Омск
ОМА МВД России
2023

УДК 34(082)
ББК 67.628.1
В74

Редакционная коллегия:

В. В. Бабурин — доктор юридических наук, профессор; *О. И. Бекетов* — доктор юридических наук, профессор; *В. Н. Борков* — доктор юридических наук, доцент (*председатель*); *Б. Б. Булатов* — доктор юридических наук, профессор; *Т. Е. Грязнова* — доктор юридических наук, доцент; *Я. М. Мазунин* — доктор юридических наук, профессор; *А. В. Павлов* — кандидат юридических наук, доцент (зам. председателя); *А. А. Турышев* — кандидат юридических наук, доцент (*отв. секретарь*).

Вопросы правовой теории и практики : сб. науч. тр. / пред.
В74 редкол. В. Н. Борков. — Омск : Омская академия МВД России,
2023. — Вып. 16. — 84 с.

ISBN 978-5-88651-844-3

В сборнике научных трудов освещаются результаты фундаментальных и прикладных исследований, направленных на повышение эффективности применения норм права на современном этапе общественного развития.

Содержащиеся в сборнике материалы представляют интерес для научных работников, преподавателей, адъюнктов, аспирантов и практических работников.

УДК 34(082)
ББК 67.628.1

ISBN 978-5-88651-844-3

© Омская академия МВД России, 2023

А. И. Коробеев

Тенденции развития современной уголовно-правовой политики России в сфере законотворчества: общее и особенное

Современное состояние уголовно-правовой политики России характеризуется, во-первых, отсутствием четко сформулированных и принятых на соответствующем уровне концептуальных основ политики государства в сфере борьбы с преступностью в целом; во-вторых, наличием отдельных идей, неких векторов в развитии стратегии и тактики борьбы с преступностью, спонтанно возникающих директив, которые исходят от властных структур и весьма противоречиво и непоследовательно реализуются в действительности; в-третьих, деструкцией и десистематизацией уголовного закона, которые стали результатом бесконечной череды изменений и дополнений, внесенных законодателем в Уголовный кодекс РФ [1, с. 229; 2, с. 234].

Особенно наглядны изъяны уголовно-правовой политики в сфере именно законотворчества. Пороки законодательства (и не только уголовного) приобрели столь масштабный и системный характер, что породили целое направление в теории права под названием «критика законодательства». Его авторы понимают под ней «отрицательное суждение индивида, государственной или общественной организации относительно отдельных юридических норм либо их комплексов, обладающее коммуникативным характером, являющееся результатом законной, творчески поисковой познавательной-оценочной аналитической преобразующей мыслительной деятельности, осуществляемой на основе самобытных принципов, выполняющей своеобразные функции для повышения качества правовых актов в целях обеспечения достойной жизни человека» [3, с. 76].

В целях объективной и документальной проверки разного рода гипотез и предположений, фигурирующих в юридической литературе и касающихся тенденций развития отечественной уголовно-правовой по-

литики, нами был осуществлен сплошной мониторинг всех изменений, внесенных в УК РФ с момента его принятия в 1996 г. и вплоть до 1 июля 2023 г. Полученный материал позволил провести количественный и качественный анализ указанных изменений, а на его основе — сделать ряд примечательных выводов.

Мониторинг изменений, внесенных в УК РФ за последние 26 лет, показал, что в Уголовный кодекс России 295-ю федеральными законами было внесено 3910 поправок. Из них диспозиции подверглись изменениям 1495 раз, санкции — 2052, примечания к статьям — 363 раза.

В результате столь бурного (и непрерывного) потока законодательных инициатив остались неизменными на сегодняшний день в Общей части — 41 статья, в Особенной части — только 5 статей.

Примечательно, что разного рода изменения уже успели коснуться и многих вновь введенных в УК РФ норм (ст. ст. 110¹, 110², 141¹, 142¹, 145¹, 151¹, 159¹, 159², 159³, 159⁵, 159⁶, 170¹, 170², 171¹, 171², 171³, 172¹, 173¹, 173², 174¹, 185¹, 185², 185³, 185⁴, 185⁵, 185⁶, 191¹, 193¹, 199¹, 199² УК). Есть в УК РФ и нормы-рекордсмены. Так, ст. 205 подвергалась корректировкам 17, ст. 104¹ — 48 раз.

В итоге Общая часть УК РФ по состоянию на 1 июля 2023 г. обновилась на 60,6%, Особенная часть — на 96,8%.

Проанализируем криминализационные (декриминализационные), а также пенализационные (депенализационные) процессы, благодаря которым репрессия (в идеале) должна постоянно приводиться в соответствие с реалиями социальной действительности, адекватно отражать характер и степень общественной опасности совершаемых преступлений.

Анализ осуществленных изменений действующего уголовного законодательства позволяет установить следующую закономерность: отчетливо выраженное превалирование числа криминализированных деяний над декриминализированными (актов криминализации (полной или частичной) по состоянию на 1 июля 2023 г. насчитывается 443, актов декриминализации (полной или частичной) — всего 118). Чрезмерное увлечение криминализированными процессами есть следствие уголовно-правового фетишизма, т. е. искренней и неколебимой веры законодателя во всемогущество уголовной репрессии как универсального и единственно возможного эффективного средства борьбы с любыми формами и видами отклоняющегося поведения.

Нетрудно убедиться, что процесс криминализации и декриминализации общественно опасных деяний носит, во-первых, противоречивый,

а во-вторых, взаимоисключающий характер. Между тем баланс и гармония между указанными процессами вполне достижимы, если принимать во внимание следующие соображения.

В результате объективного и закономерного процесса постоянного развития, изменения и совершенствования социальных структур, появления новых общественных отношений возникает необходимость в уголовно-правовой защите некоторых из них. Установлением уголовной наказуемости деяний, которые могут причинить вред вновь возникающим общественным отношениям, и обеспечивается такая защита. Отмеченная тенденция является отражением принципа динамизма в уголовном праве. Он, как известно, требует постоянного учета изменений в системе общественных отношений и своевременного отражения их в законе.

Сказанное, разумеется, не означает, что уголовно-правовая регламентация должна простирается на все вновь возникающие общественные отношения без исключения. Ставить под защиту уголовного закона необходимо лишь наиболее важные и ценные из них и только тогда, когда такая защита не может быть обеспечена менее репрессивными средствами. Прав В. Н. Кудрявцев: «Уголовно-правовой запрет следует рассматривать как субсидиарный, — в том смысле, что наказание надо устанавливать в качестве последнего средства» [4, с. 146].

На нынешнем этапе развития уголовно-правовой политики необходимость в принятии новых и расширении границ действующих уголовно-правовых норм полностью не исключена. Более того, данный процесс пока еще нужно рассматривать не как серию эпизодических мероприятий, а как определенную тенденцию. Необходимость расширения до известных пределов сферы уголовной ответственности вполне оправдана рядом причин: а) выявившимися на практике пробелами в уголовной наказуемости; б) возникновением новых общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой защите, или новых общественно опасных деяний, требующих уголовно-правовой борьбы с ними; в) международными соглашениями, в которых участвует Россия; г) укреплением гарантий защиты конституционных прав и свобод; д) целесообразностью выделения специальных составов из общих (с приданием им дополнительных криминообразующих признаков).

Очевидно, что установление уголовной наказуемости деяний при наличии упомянутых выше причин (и соблюдении всех иных условий криминализации) нельзя признать недостатком уголовного законодательства.

Вместе с тем чрезмерное увлечение криминализационными процессами приводит к появлению целого ряда «квази», «эрзац», «псевдопреступлений» и ставит правоохранительные органы в положение, когда они, образно говоря, вынуждены «стрелять из пушек по воробьям». Иногда недостаточно обоснованная криминализация признается самим законодателем неоправданной, и в дальнейшем такая скоростно принятая норма отменяется. Нечто подобное произошло со ст. ст. 159⁴, 173, 182, 200, 265 УК РФ. В правосознании населения отмеченные законодательные метаморфозы могут восприниматься как разрешающий сигнал к совершению аналогичных (но еще запрещенных) деяний.

Объективности ради следует отметить, что судебная практика давно нашла «противоядие» к таким статьям, компенсируя отсутствие декриминализации неприменением этих норм. По нашим подсчетам, за последние 20 лет около 15 статей Особенной части УК РФ ни разу не встречались в судебной и следственной практике России. Еще по 31 статье судимость в среднем не превышала одного человека в год. Не применяемые на практике нормы получили в литературе название мертвых.

В целом УК РФ 1996 г. страдает, считаем, ярко выраженной криминализационной избыточностью. Концептуально это было обусловлено восприятием авторов проекта нового УК РФ идеи не «маленького и жесткого», а «большого и мягкого» Уголовного кодекса. Однако в еще большей степени дефектность действующего УК РФ проистекает от того, что в процессе его разработки и принятия почти полностью была проигнорирована теория криминализации и декриминализации. Без особого риска ошибиться можно утверждать, что за исключением деяний, относящихся к так называемому «ядру преступности» (убийства, кражи, грабежи, разбои, изнасилования etc), многие новеллы вводились в УК РФ без какого бы то ни было учета всей суммы факторов, обуславливающих допустимость, возможность и целесообразность установления уголовно-правового запрета. Процесс законотворчества в этой части носил исключительно умозрительный характер. Особенно наглядно это видно на примере норм главы 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности».

В результате мы получили ситуацию, когда без радикальной ломки (и чистки) Особенной части УК РФ исправить положение невозможно. Остается, по-видимому, накапливать какое-то время опыт применения (и неприменения) в судебной практике соответствующих норм, чтобы в будущем в процессе реформирования нынешнего уголовного законодательства учесть допущенные при его проектировании ошибки и скон-

струировать новейший УК РФ уже в строгом соответствии с требованиями теории криминализации и пенализации. При этом, полагаем, следует вернуться к идее «маленького, но жесткого УК», переводя часть ныне уголовно наказуемых деяний в разряд гражданско-правовых деликтов, дисциплинарных или административных проступков.

Анализ имеющейся количественной информации, характеризующей особенности наказуемости деяний в России, позволяет обнаружить тенденцию, суть которой сводится к примату пенализации над депенализацией. Всего, по нашим подсчетам, за период действия УК РФ 1996 г. (по состоянию на 1 июля 2023 г.) деяния пенализировались 2041 раз, актов же депенализации насчитывается 1413. Из приведенных данных видно, что количество актов усиления наказуемости (пенализации) на 30,8% превышает число актов ее ослабления (депенализации).

Означает ли изложенное, что происходит явное ужесточение уголовной репрессии? Если ориентироваться только на характер санкций, в том числе и измененных, то ответ будет, безусловно, утвердительным. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что 92,8% санкций, содержащихся к настоящему моменту в нормах Особенной части УК РФ, предусматривают в качестве вида наказания лишение свободы.

О том же говорит и факт существенного увеличения пределов срочного лишения свободы, сохранения смертной казни, включения в УК РФ в качестве наказания пожизненного лишения свободы. По Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. самый большой срок лишения свободы составлял 15 лет независимо от того, назначалось ли наказание за единичное преступление, по совокупности преступлений или по совокупности приговоров. В ряде правовых ситуаций предельный срок лишения свободы был существенно ниже. По УК РФ 1996 г. лишение свободы за отдельные преступления установлено на срок от 2 месяцев до 20 лет. В случае частичного или полного сложения сроков лишения свободы при назначении наказания по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы установлен 25 лет (за ряд преступлений — 30 лет), а по совокупности приговоров — 30 лет (за ряд преступлений — 35 лет). Следовательно, если даже не принимать во внимание того, что в санкциях статей появилось еще и пожизненное заключение, можно констатировать ужесточение российского уголовного законодательства, как правильно считает Д. А. Шестаков, по крайней мере в два раза, что означает существенное отступление по сравнению с более гуманным (в части лишения свободы) последним советским законодательством [5, с. 154].

Тенденция к ужесточению наказуемости деяний просуществовала вплоть до конца 2011 г. Благодаря мощному «вбросу» законодателем в УК РФ такого нового вида наказания, как принудительные работы, расширению сферы возможного применения обязательных и исправительных работ, отмеченная выше тенденция изменилась на противоположную. По состоянию на 1 января 2012 г. суммарное число фактов депенализации за минувший год достигло 670, фактов же пенализации — 236.

Вместе с тем необходимо учитывать, что акты депенализации затрагивают обширную сферу уголовно-правовых отношений, а потому объем уголовной репрессии в результате введения в закон и широкого применения на практике таких институтов, как условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочка исполнения приговора, иные виды освобождения от уголовной ответственности и (или) от наказания, заметно сокращается.

Так, именно в настоящий период мы наблюдаем расширение шкалы наказаний за счет включения в нее альтернативных лишению свободы новых видов, резкое сужение сферы возможного применения лишения свободы к определенной категории лиц, совершающих преступления небольшой тяжести, введение в уголовный закон новых видов освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания (в связи с возмещением ущерба, с назначением судебного штрафа), изменение параметров исчисления сроков наказаний и зачета наказаний, отсрочки отбывания наказания и др.

Таковы основные количественные и качественные показатели работы российского законодателя в ходе реализации им уголовно-правовой политики в сфере пенализации (депенализации) за последнюю четверть века. Оценка этих показателей позволяет констатировать, что при всей объективно наблюдаемой хаотичности, спонтанности, разнонаправленности и бессистемности внесенных в УК РФ изменений реализация заложенных во вновь принятых законах предложений, по мнению их разработчиков, должна привести к существенному снижению судимости и сокращению числа лиц, содержащихся в местах лишения свободы (на 25–30%). Государство в силу ряда экономических причин неспособно обеспечить не только реального применения всех наказаний, закрепленных в Уголовном кодексе, но и фактического отбытия наказания в виде лишения свободы всеми, кто к нему осужден [6, с. 153].

На этом фоне не вызывает удивления тот факт, что суммарное число фактов практической депенализации приближается сегодня к отметке в 300 тыс. человек в год, что можно рассматривать как стремление право-

применителя использовать заложенные в законодательстве резервы для смягчения чрезмерной остроты и широты уголовной репрессии. Это может служить косвенным подтверждением уже высказанной ранее мысли о том, что депенализация (и в законе, и на практике) на современном этапе развития отечественной уголовно-правовой политики выбрана одним из главных инструментов удержания равновесия между завышенными ожиданиями успехов в бескомпромиссной борьбе с преступностью и реальными возможностями такой борьбы.

В результате можно, по-видимому, констатировать, что законодатель в интересующей нас сфере больше придерживается тактики «кну-та» (в основном ужесточая репрессию и расширяя ее рамки) и лишь на определенных этапах (главным образом под воздействием конъюнктурных соображений) подслащает горькую криминализационную пиллюлю депенализационным «пряником».

Таким образом, если общим трендом развития уголовно-правовой политики России в сфере законотворчества является отчетливо прослеживаемая линия на расширение уголовной репрессии и перманентное ее ужесточение, то особенностью нынешнего этапа реализации уголовно-политических установок, направленных на противодействие преступности, следует признать курс на сдерживание карательных притязаний за счет включения в уголовное законодательство и широкого применения на практике разного рода видов и мер, позволяющих освобождать виновных в преступлении лиц от уголовной ответственности и (или) от наказания.

Список источников

1. *Полный курс уголовного права*: в 10 т. Т. II. Уголовное право и уголовно-правовая политика. Уголовный закон. СПб., 2021.
2. *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019.
3. *Баранов В. М., Ремизов П. В.* Критика законодательства: доктрина, практика, техника. М., 2018.
4. *Кудрявцев В. Н.* Закон, поступок, ответственность. М., 1986.
5. *Шестаков Д. А.* Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 4(223).
6. *Макеева Н. В.* Уголовная политика в условиях модернизационных и постмодернизационных процессов: сравнительно-правовой анализ // Lex Russica. 2016. № 7(116).

В. В. Бабурин

Нормативно-правовые основы научных исследований в системе МВД России

Принятие МВД России нового приказа от 28 апреля 2023 г. № 260 «Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России»¹ вновь обращает наше внимание на достаточно важную для любого исследователя тему — организацию научных исследований и их нормативную правовую основу. Развитие ведомственной науки и совершенствование научного обеспечения деятельности органов внутренних дел относятся к приоритетным направлениям совершенствования системы МВД России [1, с. 26].

Применение современных научных достижений во многом способствует повышению эффективности деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка, защите личности, общества и государства от противоправных посягательств, снижению уровня неэффективных затрат сил и средств.

Согласно Обзору о результатах научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации в МВД России имеется 22 образовательных и 3 научных организации. В целом в научную деятельность вовлечено 28 подразделений Центрального аппарата и иных организаций и подразделений МВД России, 85 территориальных подразделений ОВД, а также 10 подразделений Управления на транспорте (далее — УТ) МВД России. По состоянию на 1 января 2021 г. в системе МВД России работают 5227 сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих и работников, имеющих ученые степени, что на 2% меньше, чем зафиксировано в указанную дату 2020 г. (5335 сотрудников/работников), из них 629 докторов наук (в 2020 г.: 662, –5%); 4598 — кандидатов наук (в 2020 г.: 4673; –1,6 %).

Более 66% (3536) ученых служат (работают) в образовательных организациях системы МВД России, 31% (1654) — в практических подразделениях МВД России, около 3% (145) — в научных организациях системы МВД России (включая ФКУ НПО «СТиС» МВД России)².

Научные исследования в системе МВД России имеют особенности, связанные со спецификой обеспечения потребностей деятельности органов внутренних дел. Они обусловлены необходимостью сохранения госу-

¹ URL: https://mvd.ru/upload/site152/folder_page/006/155/670/Novyy_260_2.pdf

² О результатах научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации в 2020 году : обзор. М., 2021.

дарственной и служебной тайны, поддержания общественного порядка и безопасности, защиты интересов граждан, и другими профессиональными обстоятельствами. Научные исследования в этой сфере должны иметь достаточные правовые и организационные основы, проводиться на базе комплексного нормативно-правового регулирования всех вопросов организации научного исследования. От содержания и состояния такого регулирования зависит эффективность проводимых исследований. Как отмечают Р. С. Мацкевич, Ю. В. Степаненко, эффективность научных исследований во многом зависит от правильной правовой регламентации процесса создания научной продукции [2, с. 11].

Нормативное правовое регулирование, являясь фундаментом научной деятельности в системе МВД России, в настоящее время требует актуализации и совершенствования. Так, 97% опрошенных из числа участников научной деятельности как одну из основных проблем научного обеспечения отмечают несовершенство его нормативной правовой базы [3, с. 310]. По мнению А. А. Бадина, пробелы и коллизии в правовом регулировании организации научного обеспечения правоохранительной деятельности ОВД служат сдерживающим фактором в повышении эффективности этого вида деятельности, а выявленные проблемы обуславливают необходимость комплексной переработки системы ведомственных нормативных правовых актов в указанной сфере [4, с. 100], чтобы оценить современное состояние нормативно-правовой базы организации исследований в системе МВД России, необходимо прежде всего рассмотреть ее содержание, раскрыть положительные стороны, обозначить существующие проблемы и определить направления дальнейшего совершенствования.

Структурно нормативно-правовую базу организации научных исследований в системе МВД России можно представить пятью уровнями нормативных правовых актов.

1. *Федеральные законы.* Основные федеральные законы: от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. ФЗ от 13 июля 2015 г. № 270-ФЗ); от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. ФЗ от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ); от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (в ред. ФЗ от 21 октября 2013 г. № 279-ФЗ); от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

2. *Указы Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ.* Следует отметить Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»; распоряжение Правительства России от 30 апреля 2014 г. № 722-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»; распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года».

3. *Приказы Министерства образования и науки РФ.* Следует отметить приказ Минобрнауки России от 8 октября 2013 г. № 1125 «Об утверждении Положения об управлении реализацией федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 годы».

4. *Приказы и распоряжения Министерства внутренних дел РФ.* На данном уровне следует отметить Приказ МВД России от 13 ноября 2020 г. № 767 «Об утверждении Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года» и принятый в его развитие приказ МВД России от 28 апреля 2023 г. № 260 «Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России», отменивший ряд действовавших приказов МВД России по организации научного обеспечения и применению положительного опыта и осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах в органах внутренних дел Российской Федерации научной деятельности в системе МВД России.

5. *Локальные нормативные акты образовательных организаций МВД России.* Следует отметить положения об организации научной деятельности в образовательных организациях МВД России, например: приказ Омской академии МВД России от 21 января 2014 г. № 8 (в ред. приказа ОМА от 25.05.2016 № 229) «Об утверждении Положения об организации научной деятельности в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования „Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации“»; приказ Омской академии МВД России от 25 февраля 2019 г. № 83 (в ред. приказа ОМА МВД России от 02.02.2021 № 18) «Об утверж-

дении Положения о научных исследованиях обучающихся по программам подготовки научно-педагогических кадров в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования „Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации“».

В целом нормативная правовая база научной деятельности в системе МВД России содержит достаточный объем прав и обязанностей ее субъектов. Имеющийся механизм мониторинга нормативных правовых актов, регламентирующих сферу деятельности органов внутренних дел, способен своевременно выявлять и обрабатывать возникающие в этой области проблемы. Высокая динамика общественных отношений в сфере обеспечения правопорядка, накопившиеся проблемы и нереализованные потребности практики время от времени заставляют пересматривать отдельные звенья законодательной базы, корректировать нормы, акты и процедуры.

Однако потребности деятельности органов внутренних дел достаточно часто меняются, по объективным обстоятельствам изменению подлежит и нормативно-правовое регулирование исследований в правовой сфере. Своевременно реагировать на такие изменения и определять основные направления работы по ним позволяет периодически разрабатываемый совместно учеными и практиками основной для системы научных исследований МВД России нормативный правовой акт — Концепция научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. В настоящее время она разработана на период до 2030 года³. Рассмотрим кратко ее основное содержание.

Концепция будет реализована в два этапа. На первом этапе (2021–2025 гг.) предстоит: 1) разработать и реализовать план МВД России по реализации Концепции, планы работы по реализации Концепции образовательных и научных организаций системы МВД России, а также осуществлять мониторинг хода и результатов их выполнения; 2) создать необходимые правовые, организационные, информационные и материально-технические условия для формирования и функционирования эффективной системы научного обеспечения по всем направлениям оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел; 3) принять меры по качественному улучшению кадрового научного потенциала,

³ Об утверждении Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года : приказ МВД России от 13 ноября 2020 г. № 767. URL: https://мвд.пф/upload/site163/folder_page/018/930/872/Kontseptsiya_NO_na_15.10.2020.pdf (дата обращения: 15.08.2023).

сохранить профессиональное ядро опытных научных сотрудников и обеспечить адресную поддержку молодых ученых и специалистов; 4) обеспечить последовательное внедрение в научную деятельность современных информационных и телекоммуникационных технологий, в первую очередь для проведения социологических исследований, сбора и обобщения эмпирической информации, в том числе в социальных сетях, моделирования и прогнозирования социальных процессов, связанных со сферой функционирования органов внутренних дел.

Результатом проведения мероприятий первого этапа реализации Концепции станет существенное повышение эффективности системы научного обеспечения. Будет обновлена нормативная правовая база. Улучшатся информационные, материально-технические и кадровые ресурсы. Заработают действенные механизмы стимулирования эффективной научной деятельности, ориентации ее субъектов на актуальные для практики темы, исключения малозначительных разработок и тем диссертационных исследований, обязательного их внедрения в практику или научно-педагогическую деятельность.

Предполагается внести изменения в систему аттестации научных кадров, обеспечить отбор и продвижение сотрудников, склонных к научной работе и показывающих в ней высокие результаты. Приоритетное внимание будет уделено исследованиям в сфере тылового и медицинского обеспечения, а также информационных технологий с укреплением научного потенциала по соответствующим специальностям. Повысится эффективность внутриведомственного, межведомственного и международного научного сотрудничества. Будет создана прозрачная система кадровых лифтов. Более престижной станет работа в образовательных и научно-исследовательских организациях системы МВД России. Будет усилен внутриведомственный контроль, повысится личная ответственность руководителей образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России, а также руководителей исследовательских коллективов за качество научной продукции, а также за ее реальное внедрение в практику, образовательный процесс и научно-исследовательскую деятельность.

На втором этапе (2026–2030 годы) планируется: 1) завершить формирование новой системы организации научного обеспечения органов внутренних дел, упреждающе реагирующей на изменения оперативной обстановки, способной быстро и качественно обеспечить практику научно обоснованными рекомендациями и предложениями, востребованной и уважаемой в научной среде и динамично совершенствующейся; 2) зна-

чительно укрепить кадровый научный потенциал МВД России, создать условия для его дальнейшего сохранения и развития; 3) сформировать современную материально-техническую базу для научной работы, включающую эффективно функционирующую информационную систему ее обеспечения.

Основным результатом реализации Концепции должно стать качественное улучшение научного обеспечения. Новые правовые, материально-технические и организационные условия для осуществления научной деятельности в системе МВД России должны будут повысить уровень научной продукции и результативность ее внедрения в практику, образовательный и научный процессы. В результате предполагается: увеличить по отношению к году начала реализации Концепции количество плановых научных исследований, проводимых научными и образовательными организациями, на 30%; довести долю результатов плановой научной деятельности, внедренных в практику — до 95%; опубликованных результатов научных исследований — до 60%; положительных актов приемки результатов плановой научной деятельности — до 95%; охват использования новых информационных и телекоммуникационных технологий в общем научном инструментарии выявления и разрешения проблем в деятельности органов внутренних дел — до 60%; научных сотрудников с ученой степенью кандидата и доктора наук в общем кадровом научном потенциале — до 80%; успешно завершивших подготовку докторантов, адъюнктов и соискателей ученых степеней с защитой диссертации к их общему числу соответствующего года набора — до 70%. Кроме того, обеспечить: количество единиц научной продукции на одного научного сотрудника — до 3 ежегодно; количество публикаций на каждого научного сотрудника и единицу профессорско-преподавательского состава — до 4 ежегодно; количество опубликованных каждой образовательной и научной организацией МВД России монографий, пособий или иных трудов объемом не менее 4 печатных листов — до 5 ежегодно⁴.

В целом, последовательная реализация Концепции позволит обеспечить создание эффективной системы организации, планирования и координации научной деятельности в органах внутренних дел, формирование ее современной инфраструктуры и материально-технической базы, сохранение и восполнение научного потенциала МВД России, создание реального механизма интеграции науки и практики в решении задач научной деятельности в органах внутренних дел, повышение

⁴ Там же.

качества научной продукции и эффективности научной деятельности в системе МВД России, совершенствование деятельности органов внутренних дел на основе широкого применения при ее осуществлении научных знаний.

Таким образом, современные тенденции развития правовых исследований характеризуются масштабностью и разнообразием их проведения. Их последовательное развитие требует своевременного, масштабного и последовательного правового регулирования. Только четкая нормативная правовая база правовых исследований позволяет постоянно повышать их качество проведения, добиваться получения значительных научных результатов, обеспечивающих потребности государства и его правоохранительных органов.

Список источников

1. *Бецков А. В.* О научно-технической политике МВД России до 2030 года // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2020. Том. 1.

2. *Мацкевич Р. С., Степаненко Ю. В.* О правовых проблемах научного обеспечения деятельности органов внутренних дел и способах их решения // Административное право и процесс. М., 2008, № 3.

3. *Иванова А. В.* Отдельные вопросы организации научной деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации: состояние и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2021. Т. 7(73). № 4.

4. *Бадин А. А.* Проблемы организации научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №2-22-2(41).

Г. В. Назаренко, А. И. Ситникова

Законодательная текстология уголовного права как инновационный проект

Современные криминалисты традиционно поддерживают устаревший лингвоцентрический подход к юридическим нормам, сформировавшийся в общей теории права, и утверждают, что языковая обусловленность уголовного законодательства является неоспоримым фактом [1, с. 89; 2, с. 64]. При этом делается недостаточно обоснованный, но тем не менее далеко идущий вывод, согласно которому дальнейшее совершенствование языка уголовного закона служит эффективным средством

повышения качества уголовно-правовых предписаний [3, с. 34]. Однако современные законодательно-текстологические исследования показывают, что законодатель и правоприменитель имеют дело не столько с языком закона, сколько с текстами уголовно-правовых предписаний, сформулированными на языковой основе.

Законодательно-текстологический подход к уголовному законодательству, в отличие от лингвоцентрического, опирается на корпус монографических источников [4; 5; 6], образующих инновационный проект, который держится на признании того, что результатом законотворчества выступает текст уголовного закона, а не язык закона как таковой. Законодательная текстология предоставляет законодателю новые приемы и способы конструирования уголовно-правовых предписаний, а правоприменитель получает надежный алгоритм толкования норм уголовного законодательства.

С позиций законодательной текстологии, системообразующими элементами Уголовного кодекса являются заголовки его структурных единиц. Кроме того, заголовки выступают в качестве смысловых доминант. Наличие заголовочного комплекса дает возможность любым адресатам уголовного закона получить генерализованную информацию о структуре Кодекса и системных связях уголовно-правовых институтов и предписаний, подлежащих применению. С учетом структурных особенностей заголовков уголовного закона можно выделить несколько моделей, которые использует законодатель: 1) *однословные тематические заголовки*, обозначающие темы разделов (Р. II.), глав (Гл. 5.), статей (ст. 21 и др.); 2) *заголовки-словосочетания*, позиционирующие названия частей Кодекса (Общая, Особенная), разделов (Р. I.), глав (Гл. 6. И др.) и статей (ст. 126 и др.); 3) *множественные тематические заголовки*, состоящие из нескольких заголовков (Гл. 13. Амнистия. Судимость. Помилование); 4) *бланкетные заголовки*, указывающие на незаконность действий (ст. 127 и др.), неисполнение обязанностей (ст. 156 и др.) либо злоупотребление полномочиями или их превышение (ст. 201 и др.) Такие заголовки имеют юридические маркеры, отсылающие к нормативно-правовым актам, которые находятся за рамками уголовного законодательства; 5) *перечневые заголовки*, содержащие перечни объектов преступлений (гл. 16. и др.), а также перечни других признаков преступных деяний (ст. 186 и др.); 6) *комбинированные заголовки*, которые представлены в Кодексе сочетаниями признаков заголовков различного вида. Такие заголовки представляют собой *бланкетно-перечневые образования* (ст. 141.1 и др.) и *тематические заголовки с различными уточнениями*.

Наименее удачными являются заголовки-диспозиции, так как их воспроизводимость близка к нулю из-за чрезмерного объема. Не отвечают законодательно-текстологическим требованиям также перечневые заголовки, поскольку имеют низкую воспроизводимость и нуждаются в генерализации. Равным образом множественные заголовки нетипичны для уголовного закона и подлежат преобразованию. Кроме того, комбинированные заголовки имеют усложненную структуру и пониженную воспроизводимость, поэтому явно нуждаются в надлежащей переформулировке.

Уголовно-правовая наука наряду с уголовной политикой во многом мотивирована потребностями законодательной и правоприменительной практики. Это означает, что доктрину уголовного права в плане моделирования уголовно-правовых норм не могут в полной мере удовлетворить общетеоретические схемы, представленные трехчленной либо двухчленной структурой юридической нормы, так как множество уголовно-правовых предписания Общей части УК РФ явно не вписывается в параметры, заданные традиционной доктриной. Вместе с тем законодательно-текстологический подход к тексту уголовного закона позволяет выделить конструктивные элементы уголовно-правовых предписаний, которые имеют универсальный характер. Исходным компонентом таких предписаний выступает тема, которая обозначает предмет нормативного сообщения. Дескриптивный компонент включает описательные признаки, содержащие правовую характеристику обозначаемой темы. Поскольку уголовно-правовые предписания имеют не только поверхностный (вербальный), но и глубокий (концептуальный) уровень, описательные признаки лежат доктринальной маркировке. В связи с этим вполне закономерно в законодательной дефиниции понятия преступления, сформулированной ч. 1 ст. 14 УК РФ, выделяются такие дескриптивные признаки преступного деяния, как материальный (общественная опасность), формальный (запрещенность), субъективный (виновность) и нормативный (наказуемость). В зависимости от конструкции тема предписания может находиться в начальной позиции (ст. 14 УК), в постпозиции (ст. 15 УК) либо располагаться между описательными признаками и тем самым акцентировать наиболее значимые в юридическом отношении признаки. При этом тема и ее описательные признаки в любых законодательных конструкциях выступают в качестве носителей правовой информации и в силу двухуровневой организации нормативного текста подлежат обязательной законодательно-текстологической интерпретации, имеющей характер аргументирующего толкования.

В текстуальном отношении нормы Общей и Особенной частей УК РФ значительно отличаются друг от друга. С учетом существующих различий встает вопрос об оптимальных моделях статей Уголовного кодекса. Законодательно-текстологический анализ показывает, что уголовно-правовые предписания имеют дифференцированную структуру (делятся на части, пункты либо части и пункты) и соответствуют оптимальной модели (одна статья, пункт, часть содержит одно предписание). Вместе с тем в Уголовном кодексе РФ есть неоправданные отступления от данной модели за счет включения в один пункт, в одну часть или статью двух или более предписаний. Объемные и сверхобъемные тексты создают текстуальную избыточность и затрудняют восприятие и применение таких предписаний. Наглядным образцом некачественного нормативного текста является ст. 143 УК РФ, в которой соотношение объемов заголовка и основного текста составляет 1: 63, хотя допустимое соотношение не должно превышать 1:7. Способами разукрупнения уголовно-правовых предписаний являются их бланкетизация, фрагментизация и составление примечаний.

Законодательно-текстологический анализ статей Особенной части УК РФ показывает, что наряду с известными составами преступлений уголовный закон содержит законодательные конструкции, которые не вписываются в материальные и формальные составы. Таковы составы: а) неоднократности; б) причинения; в) применения насилия; г) размерности. *Состав неоднократности* содержит криминализующий признак, указывающий на совершение общественно опасного деяния более одного раза (ст. 154, ч. 1 ст. 180 УК и др.) Соответственно, неоднократность исключает преступность деяния, совершенного однократно. *Состав причинения* в качестве условия криминализации совершенного деяния содержит указание на причинение определенного вреда или определенного ущерба (ст. 146, 147, 173, 185, 201 УК и др.) На эту особенность прямо указывает союз «если», отсутствующий в формулировках преступлений с материальным составом, в которых вред отмечен без каких-либо условий и оговорок (ст. 105, 111 УК и др.). *Состав применения насилия* в качестве криминализующего признака содержит указание на применение физического или психического насилия, при наличии которого совершенное деяние признается преступлением (ст. 133, 149 УК РФ и др.). *Состав размерности* в качестве криминализующего признака содержит обязательное указание на крупный размер незаконно извлеченного дохода, полученного имущества или денежных средств (ст. ст. 172, 177, 194 и др.). При наличии соответствующего признака со-

вершенное деяние признается преступлением. Освоение новых составов преступлений даст возможность правоприменителю избежать ошибок при квалификации деяний, в которых криминализующие признаки фактически выступают в качестве ограничительных условий уголовной ответственности.

Важную роль в уголовном законе выполняют постатейные примечания, так как эти нормативные предписания существенно влияют на применение уголовно-правовых норм и особенности уголовно-правовой политики. Постатейные примечания состоят из двух компонентов: тематического и дескриптивного. Первый — обозначает тему примечания, второй — включает описательные элементы, состав которых зависит от целевой направленности конкретных примечаний. В зависимости от содержания можно выделить следующие виды постатейных примечаний: примечания-дефиниции, примечания-уточнения и рестриктивные примечания. Несмотря на их неоднородность, они состоят из типовых описательно-тематических компонентов, элементы которых поддаются маркировке при их интерпретации.

Примечания-дефиниции представляют собой законодательные определения понятий, имеющих уголовно-правовое значение. Эти примечания формулируются разными способами. В одних случаях дефинирование осуществляется путем обозначения существенных признаков определяемого понятия (прим. 1 к ст. 158) либо законодатель ограничивается указанием на отличительные признаки (прим. 3 к ст. 158). Иногда конкретные признаки сопровождается отсылка к другому нормативному акту (прим. к ст. 264). В ряде случаев могут быть использованы перечни криминальных действий (прим. 1 к ст. 205.1 и др.).

Примечания-уточнения представляют собой тексты, которые конкретизируют оценочные признаки значительного, крупного, особо крупного ущерба путем указания денежного эквивалента либо размера незаконного дохода (прим. к ст. ст. 146, 158 и др.). Ряд уточняющих примечаний указывает размер веществ, запрещенных к обороту, и других предметов (прим. к ст. ст. 193, 194 и др.). *Рестриктивные примечания* при наличии определенных условий ограничивают либо исключают применение уголовно-правовых мер (прим. к ст. ст. 126, 134 и др.).

Текст УК РФ в процессе его применения выступает в качестве объекта законодательно-текстологического толкования. Алгоритм такого толкования включает обязательные операции, в качестве которых выступают: 1. *Установление подлинности текста уголовного закона.* Текущие изменения действующего УК РФ требуют обращения к таким

официальным источникам, как Собрание законодательства Российской Федерации, Российская газета и Парламентская газета. 2. *Анализ текстуальных признаков уголовно-правовых предписаний*. Указанные признаки имеют значение для понимания норм уголовного права. Обращение к таким признакам позволяет выявить концептуальный уровень предписаний путем актуализации их дискурсивных связей с доктринальными текстами и практикой реализации норм уголовного законодательства. 3. *Сегментация текста уголовно-правовых предписаний в процессе их толкования*. Сегментация текста, т. е. его членение, в процессе толкования проводится с учетом тематических и описательных компонентов предписаний, а именно в соответствии с элементами и признаками, которые задают алгоритм пошагового толкования. Предлагаемая интерпретация действующего УК РФ имеет универсальный характер, так как может применяться в процессе толкования любых нормативных актов наряду с традиционными видами толкования.

Таким образом, настоящий инновационный проект открывает перспективное законодательно-текстологическое направление исследований, в котором представлены концептуальные положения, дающие возможность с новых позиций конструировать законодательные тексты и применять алгоритм законодательно-текстологического толкования юридических норм в процессе научных исследований и правоприменения не только в сфере уголовного права, но и в других отраслях законодательства.

Список источников

1. Бойко А. И. Язык уголовного закона и его понимание : монография. М., 2010.
2. Кострова М. Б. Языковая детерминированность уголовного закона // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства. Саратов, 2002.
3. Панченко П. Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике : монография. Н. Новгород, 2004.
4. Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права : монография. М., 2011.
5. Ситникова А. И. Законодательная текстология : монография. Saarbrücken, 2012.
6. Ситникова А. И. Уголовно-правовая текстология : монография. М., 2016.

В. Н. Борков

О роли и ответственности государства в современном обществе

Рецензия на аналитический доклад И. М. Рагимова, С. Н. Бабурина, Ю. В. Голика, Ю. И. Дуки, А. И. Коробеева «Современное государство в эпоху глобальных трансформаций» (Санкт-Петербург: ООО «Юридический центр-Академия», 2019. 344 с.).

Вопреки предсказаниям роль государства в современном обществе постоянно возрастает. Поэтому выявление закономерностей его развития и адаптации к стремительно изменяющимся социально-экономическим, политическим и технологическим условиям является актуальной научной задачей. И. М. Рагимов, С. Н. Бабурин, Ю. В. Голик, Ю. И. Дука, А. И. Коробеев в форме аналитического доклада анализируют теоретико-исторические и криминологические аспекты современного государства в эпоху глобальных трансформаций, формируют его образ с точки зрения способности противодействия модифицирующимся угрозам, функционирования на благо своим народам [1]. Авторы рассматривают широкий спектр вопросов, в контексте которых государство, с одной стороны представлено как «шествие Бога в мире», «действительность нравственной идеи», путь к Спасению, с другой, как «орудие господствующего класса», механизм насилия. Исследуется феномен криминального государства, государства — субъекта преступления. Показана взаимосвязь процессов глобализации, трансформации современного государства и преступности в России и мире.

Масштабностью, мощным научным потенциалом, с точки зрения раскрытия заявленной темы, характеризуется структура аналитического доклада. Отдельные ее аспекты являются пророческими. Авторы совершенно обоснованно именно в возможности государства воплотить духовное единство нации и власти видят его возможность противостоять внешним и внутренним угрозам. Сильным, способным ответить на стремительно изменяющиеся вызовы, государство делают развивающиеся духовный фактор, национальное и территориальное самосознание, осознание величия своей истории. Важно отметить, что глобальным процессам деформации современного государства и общества, разрушению «морального капитала человеческого законопослушания, ответственности и взаимного доверия» противостоять только методом пропаганды сложно. Ответственное отношение к перспективам развития государства предполагает комплексное использование для укрепления его морального авторитета криминологических и уголовно-правовых средств.

Цивилизационные проблемы, войны, провалы в экономике во многом обусловлены кризисом государства, поэтому весьма продуктивным с теоретической и с практической точки зрения, является исследование авторами аналитического доклада сущности государства. Сущность первого порядка заключается в «консолидации сил всех классов и слоев общества, той или иной моделью соединения в единое целое элементов государства». Второй уровень сущности представлен классовым характером государства, который наиболее рельефно проявляется в первичных производственных, экономических отношениях. Разрешение классовых противоречий приводит к третьей сущности государства как широкого комплекса механизмов по работе и поддержанию в обществе социального компромисса, консенсуса социальной солидарности. Социальное понимание сущности государства не вступает в противоречие с либерально-демократическим отрицанием классовой борьбы, а придает последнему меньшую степень радикализма. Разрешая классовые противоречия, государство поднимается до третьего уровня своей сущности — устойчивого развития общества знания, когда наука выдвигается на роль производительной силы и делает функционирование знания основой социальной дифференциации и солидарности.

В качестве завершающего элемента анализа социального феномена государства выступает представление о высшем уровне его сущности. «В конечном счете, государству необходимо, проведя людей через испытания, привести их к Спасению». Соглашаясь с авторами аналитического доклада, отметим, спасение России и ее народа состоит в развитии. Развитие нации может обеспечить только функциональное и эффективное государство. Вопрос о функциях государства является главным, особенно в эпоху его трансформаций. Функции характеризуют основные направления деятельности государства на различных этапах развития. Именно в осуществляемых государством функциях выражается его сущность. Четкое определение функций нашего государства является актуальной научно-политической задачей. Эта проблема тесно связана с формулированием государственной идеологии России. Если идеология — это система взглядов, выражающая отношение людей к государству, то в функциях выражается отношение государства к человеку. Нормальное функционирование государства от коррупционных и иных посягательств охраняет уголовный закон, который проявляет себя как акт не только политический, но и идеологический. Уголовный закон должен создавать предпосылки для подавления криминальных явлений, порождающих бедность и социальную незащищенность людей, которые препятствуют формированию духовного единства нации.

В контексте исследования проблем обеспечения государством своей безопасности авторы доклада видят в современной политике «прежде всего, деятельность по осуществлению государством своих обязанностей перед обществом». Больше других затрудняют решение стоящих перед государством задач коррупционные и экономические преступления. Они, с одной стороны, ослабляют власть, а с другой, нарушают интересы граждан, которые государство обязано защищать. Поэтому сложно согласиться с либерализацией уголовного закона в части ответственности за экономические преступления и предложениями по «оснащению» их только финансовыми санкциями. Требуется критического осмысления тенденциозное, осуществляемое в узких интересах, толкование Конституции, когда на первое место ставится право на безграничную свободу предпринимательства, как и утверждение, что сделать личность высшей ценностью способно только государство. Государственное регулирование и надзор могут создать равные и справедливые условия для реализации свободы предпринимательской деятельности. Часто инициаторами посягательств, совершаемых в отношении предпринимателей, являются их недобросовестные коллеги, которые составляют ядро экономической преступности, подавление которой — важнейшей обязанностью государства.

Особое прогностическое значение аналитического доклада проявляется в констатации наметившегося во второй половине XX в. глобального пересмотра подходов обеспечения всем гражданам условий для достойного существования. В докладе анализируются факторы, обусловившие изменение содержания геополитики. Геополитика не может быть отменена. Внешние вызовы не всегда открыто враждебны. Авторы доклада верно рассматривают обеспечение безопасности в качестве первой цели государства, а прямой обязанностью считают устранение или предотвращение зла и неправомерного насилия. Безопасность рассматривается как понятие многогранное, включающее пространственную безопасность, политико-правовую, социально-экономическую, экологическую и культурную. Решить перечисленные задачи может только здоровое и эффективное государство.

И дело даже не в том, что слабое государство не способно осуществлять возложенные на него функции обеспечивать правопорядок, регулировать экономику, противостоять внешним угрозам, проблема глубже: деградирующее государство подвержено криминализации. Авторы аналитического доклада как явление весьма опасное для всего общества исследуют феномен криминального государства. По их мнению, меж-

государственные, межнациональные, межрассовые конфликты, прямое уничтожение людей в войнах блекнет перед безграмотной законодательной политикой государств, которая дает крайне негативные последствия. «Закон начинают презирать не только люди, но и органы государственной власти, а в конечном счете и само государство». Государство, плодящее вредные законы, опасно и рано или поздно станет преступным.

Главный внутренний вызов развитию современных государств авторы доклада связывают с их криминализацией. Следует согласиться с тем, что в становлении государства как преступного виноваты конкретные физические лица, допустившие изменения в законодательстве, экономике и политике. Но в отличие от авторитетных ученых, подготовивших аналитический доклад, мы отрицательно отвечаем на вопрос о допустимости привлечения государства к ответственности, в том числе и к уголовной. Их доводы о том, что «в современном обществе и в достаточно сложно устроенном государстве любого рода государственное решение, как правило, не принимается одним лицом», «решения принимают сложную процедуру согласования в парламенте», «работают советники и помощники главы государства» создают предпосылки для размывания субъектов ответственности и лишают общество перспектив противодействия криминализации государства. В докладе государство верно позиционируется как «сложнейший феномен политической организации общества, субъект (объект) многочисленных общественных отношений», но согласиться с тем, что *«государство может быть субъектом преступления»* (выделено авторами аналитического доклада) сложно даже с оговоркой, что наряду с государством к ответственности могут быть привлечены конкретные физические лица.

Признание государства возможным субъектом преступления вредно, так как, с одной стороны, это может позволить избежать ответственности совершившим преступление должностным лицам, а с другой, порождает основания для уголовного преследования всех, кто находился в определенный период на государственной службе. Достижения и провалы государства — это достижения и провалы представляющих его конкретных личностей. Уголовная ответственность должна быть персональной и виновной, она не может быть равномерно возложена на всех граждан государства. Не государство в целом, а конкретные политические деятели и военачальники применяют запрещенные методы ведения войны (ст. 356 УК РФ), совершают действия, направленные на уничтожение национальной, этнической или религиозной группы (ст. 357 УК РФ), вербуют, обучают и используют наемников в военном конфликте (ст. 359

УК РФ), совершают акты международного терроризма (ст. 361 УК РФ). Именно от конкретных лиц исходит угроза миру и безопасности человечества. Кроме того, авторы доклада, признавая государство возможным исполнителем преступления, не исследуют проблему системы наказаний, которые могли бы быть назначены такому специфическому субъекту. Полагаем, что реализация комментируемой идеи предполагала бы и существенную корректировку фундаментальной уголовно-правовой доктрины состава преступления.

Безусловно, мы разделяем позицию авторов доклада, согласно которой «только сильное государство способно выжить в нынешних условиях». Актуальны отмеченные качества такого государства — «большие властные полномочия и наличие возможностей по проведению их в жизнь». Авторитет государства является предпосылкой его мощи и эффективности в противостоянии внешним и внутренним угрозам, поэтому его нужно постоянно укреплять. Наибольший урон функциональности государства, его способности действовать в интересах граждан, помимо коррупционных, наносят преступления ненависти и лжи. Так, первой жертвой любой военной операции становится правда. Распространение ложной и дискредитирующей информации об использовании Вооруженных Сил умаляет в глазах граждан значение их деятельности в интересах России, снижает авторитет органов власти. Информационный «удар в спину» Российской армии подрывает ее боеспособность. Военнослужащие при выполнении поставленных задач должны быть уверены в поддержке государства и своего народа. Поэтому уголовный закон был дополнен нормами, предусматривающими ответственность за распространение ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами своих полномочий (ст. 207³ УК РФ), их дискредитацию (ст. 280³ УК РФ). Конституция РФ предоставляет каждому право свободно выражать свои убеждения (ч. 3 ст. 29). Но в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства, осуществление данного права может быть ограничено (ч. 3 ст. 55). Содержательной основой ограничения выступает такая важнейшая конституционная модель правомерного поведения, как солидарность и взаимодействие гражданина и государства. Авторы доклада такое состояние называют «духовным единством нации и власти».

Список источников

1. Рагимов И. М., Бабурин С. Н., Голик Ю. В., Дука Ю. И., Коробев А. И. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций. СПб., 2019.

А. А. Нечепуренко, К. Н. Карпов
Освобождение от уголовной ответственности
и общеправовые последствия совершения
преступления: анализ позиции Конституционного Суда
Российской Федерации

Предусмотренные действующим федеральным, а также региональным законодательством так называемые общеправовые последствия совершения преступления (запрет заниматься определенными видами деятельности, ограничение на прохождение государственной службы, запрет на использование пассивного избирательного права и др.) согласно формулировкам, используемым в рамках отраслевого законодательства, могут возникать не только в результате осуждения лица и вынесения в отношении него обвинительного приговора [1, с. 106; 2, с. 172; 3, с. 108; 4, с. 82], но и в результате вынесения иных итоговых процессуальных решений [5].

Например, при описании основания ограничения на профессиональную деятельность или права выступать усыновителем, законодатель использует формулировку «лиц, подвергавшихся уголовному преследованию» (ст. ст. 328¹, 331, 351¹ Трудового кодекса РФ; ст. ст. 127, 146 Семейного кодекса РФ). Таким образом, законодатель не требует наличия обвинительного приговора и судимости, достаточно даже внесудебной констатации факта совершения лицом преступления. Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) в своих решениях неоднократно указывал на то, что отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в связи с освобождением лица от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующему основанию, а равно прекращение уголовного преследования по нереабилитирующему основанию не влекут признания лица виновным или невиновным в совершении преступления. Принимаемое в таких случаях процессуальное решение не подменяет собой приговор суда и по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность подозреваемого или обвиняемого (подсудимого) в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции РФ, а констатирует факт прекращения уголовного преследования и отсутствие оснований для реабилитации лица¹.

¹ По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесе-

Общеправовые последствия совершения преступления порождаются (обосновываются) исключительно фактом совершения преступления и по своей сути являются правоограничительными мерами, т. е. могут быть оценены с точки зрения тяжести обременений и лишений их содержательные компоненты (основания, критерии, сроки и т. д.) В то же время, учитывая особенности правового статуса таких правоограничений, они не могут в настоящее время выступать предметом судебного разбирательства. Иными словами, если срок, размер, порядок исполнения наказания либо иных мер уголовно-правового характера может быть оспорен сторонами уголовного судопроизводства, то аналогичные параметры общеправовых последствий совершения преступления какому бы то ни было обсуждению либо индивидуальной корректировке подвергнуты быть не могут. Они носят абсолютный и неоспоримый характер, что позволяет их рассматривать в некоторых случаях как более строгие по сравнению с отдельными видами наказаний, например, с таким наказанием, как лишение права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ).

Анализ положений отраслевого законодательства позволяет констатировать наличие разрозненных, несистематизированных попыток законодателя ограничить допуск лиц, обладающих, по его мнению, общественной опасностью вследствие факта совершения преступления, в различные социально значимые сферы жизнедеятельности [6, с. 101]. В частности, нами было проанализировано более 40 нормативных актов федерального и регионального уровней, в которых устанавливались запреты и ограничения на занятие той либо иной деятельностью исключительно в связи с наличием факта совершения лицом преступления [7, с. 170]. Количество вынесенных только за последние 10 лет решений КС РФ по данным вопросам (принятых к рассмотрению по существу) превышает 15. То есть, по сути, конституционность общеправовых последствий совершения преступления оспаривается ежегодно и в значительной части этих решений признается необходимость частичного изменения отраслевого законодательства.

Необходимо отметить, что в большинстве случаев, КС РФ, рассматривая вопросы конституционности положений отдельных нормативных актов на предмет их соответствия Конституции РФ в части обоснованно-

нии изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р. М. Пахомова : постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № 38-П. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сти установления тех либо иных запретов, по сути вынужден частично оправдывать законодателя и прописывать дополнительно в своих решениях аргументы в пользу приемлемости того либо иного запрета, его содержания, сроков и т. д.).

В упомянутом выше постановлении Конституционного Суда РФ, признавая законность установления запрета на прохождение службы в органах принудительного исполнения указал на то, что предусмотренные в УК РФ нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 75–76.2 УК РФ), имеют (и должны иметь по мнению КС РФ) различные правовые последствия в части установления данных «общеправовых запретов».

Так, из материалов дела следует, что лицо длительный период времени находилось на государственной службе, однако после изменения статуса и реорганизации данной структуры в 2020 г. было вынуждено вновь поступать на службу с учетом новых требований. Поскольку 19 лет назад, в 2001 г., в отношении лица было принято решение об **освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по делу частного обвинения (ст. 115 УК РФ)**, ему было отказано в поступлении на службу, на основании п. 4 ч. 4 ст. 17 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ о службе в ОПИ РФ), который устанавливает, что гражданин не может быть принят на службу «если он подвергался уголовному преследованию, которое было прекращено в отношении его за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения, прекращенных не менее чем за три года до дня поступления на службу в органы принудительного исполнения) (курсив наш — А. Н., К. К.), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием»².

Получается, что если бы на тот момент было принято решение о прекращении уголовного дела частного обвинения в связи с примирением с потерпевшим, то он мог бы быть принят на службу.

Анализируя положения указанного федерального закона, КС РФ констатирует, что законодатель дифференцирует факты прекращения уголовных дел различных категорий по нереабилитирующим основаниям, исходя из своего видения того, как они отражают соответствие лиц по своим качествам требованиям, предъявляемым в силу специфики служ-

² О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон № 328 от 1 октября 2019 г.

бы. При этом необходимо обратить внимание на то, что установление подобного рода запретов не предполагает со стороны работодателя никакого анализа характеристики личности лица, претендующего на замещение соответствующей должности.

Более того, исходя из содержания рассматриваемого решения, КС РФ усматривает дополнительную разницу для правоограничений в зависимости от того, к какой из категорий дел (по характеру возникновения уголовно-процессуальных отношений) относится тот либо иной состав преступления. Так, примирение с потерпевшим в случае совершения преступления, отнесенного к делам частного обвинения (ст. 115 УК РФ), по мнению КС РФ, свидетельствует о меньшем характере общественной опасности лица как основании установления правоограничений в сравнении с аналогичным примирением в соответствии со ст. 76 УК РФ по делам частного-публичного либо публичного обвинения.

Определяя неконституционность установления безусловного и бессрочного запрета поступления на службу в органы принудительного исполнения для лиц, уголовное преследование которых по делам частного обвинения было прекращено в связи с деятельным раскаянием, КС РФ согласился с правомерностью существования ограничения на срок три года для данной категории лиц. При этом обоснования именно трехлетнего срока ограничения либо исключительности вышеописанного основания освобождения от уголовной ответственности по сравнению другими основаниями по-прежнему не имеется.

Учитывая, что все нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности в первую очередь (применительно к рассматриваемому нами вопросу) констатируют факт совершения лицом преступления и только в некоторых случаях могут свидетельствовать о снижении опасности лица для окружающих (в результате его правомерного постпреступного поведения), следовало бы рассматривать статус данных оснований для возникновения в дальнейшем «общеправовых последствий» как одинаковый. Однако на сегодняшний день положения ряда нормативных правовых актов содержат указания далеко не на все нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности. Например, освобождение от уголовной ответственности в соответствии со ст. ст. 76¹, 76² УК РФ не влечет общеправовых ограничений для дальнейшего прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД РФ) либо в ОПИ РФ.

Более того, анализируемые нормативные правовые акты предусматривают разные основания прекращения службы и препятству-

ющие поступлению на службу (в части применения нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности). Например, в соответствии с п. 4 ч. 5 ст. 17 ФЗ «О службе в ОВД РФ» (как отмечено выше, аналогичные положения содержатся и в ФЗ «О службе в ОПи РФ») лицо не может быть принято на службу в случаях, если оно подвергалось уголовному преследованию, которое было прекращено в отношении него за *истечением срока давности, в связи с примирением сторон* (кроме уголовных дел частного обвинения, *прекращенных не менее чем за три года до дня поступления на службу в органы внутренних дел, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием*³).

Данная норма вводит срок ограничения на поступление в ОВД РФ (три года) после прекращения уголовных дел частного обвинения в связи с примирением сторон. В то время как сотрудники, проходящие службу в ОВД и совершившие в период прохождения службы преступления, предусмотренные ст. ст. 116¹, 115, 128¹ УК РФ, и освобожденные от уголовной ответственности на основании положений ч. 2 ст. 20 УПК РФ, могут продолжить службу без каких либо временных ограничений (п. 7 ч. 3. ст. 82).

В связи с этим возникает несколько закономерных вопросов.

Во-первых, почему законодатель рассматривает процессуальные положения о поводе для возбуждения уголовного дела (ст. 20 УПК РФ) в качестве критерия опасности лица для участия в той либо иной сфере правоотношений? Так, лицо, совершившее преступление, предусмотренное например, ч. 1 ст. 139 УК РФ (менее общественно опасное, нежели ч. 1 ст. 115 УК РФ), будет считаться более общественно опасным лишь на основании отсутствия данной нормы в перечне, предусмотренном ч. 2 ст. 20 УПК РФ, в контексте ограничения на дальнейшее прохождение службы в ОВД РФ (как и в ОПи РФ). При этом УК РФ содержит уголовно-правовые запреты совершения и менее общественно опасных преступлений (например, ч. 1 ст. 121, ч. 1 ст. 133, ч. 1 ст. 139 УК РФ и т. д.), однако не отнесенных к категории дел частного обвинения. В связи с чем лица, их совершившие и освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, указанным в ст. ст. 75, 76, 78 УК РФ, в дальнейшем (в части общеправовых последствий) будут находиться в худшем правовом положении, нежели

³ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.

лица, совершившие более общественно опасные или равные по степени общественной опасности преступления, но не включенные в перечень ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

Во-вторых, почему срок три года после освобождения от уголовной ответственности влияет только на поступление на службу и не влияет на прекращение таковой? А также в связи с чем данная цифра составила именно три года, а не два или пять?

Таким образом, можно прийти к выводу, что основания устанавливаемых в отраслевых НПА ограничений, очевидно, носят в большей степени несистематизированный характер и не отражают реальных потребностей в недопущении лиц, представляющих общественную опасность, к какому-либо роду деятельности и реальных факторов, которые бы свидетельствовали о такой общественной опасности личности. Указанный подход настолько противоречив, ситуативен и нелогичен, что теряется не только целесообразность и справедливость используемого запрета, но и его обоснованность. Используемые же в судебных решениях и научной литературе названия «общеправовые последствия совершенного преступления», «общеправовые последствия судимости», «последствия совершения наказуемого деяния» и др. не меняют характера используемых средств правового воздействия. Порожденные исключительно фактом совершения преступления они, по сути, остаются уголовно-правовыми мерами безопасности [8, с. 26].

Несомненно, рассматриваемые правоограничения имеют право на существование и являются необходимым элементом социального контроля в уголовно-правовой сфере. Однако разобщенность указанных мер, неопределенность их правовой природы, отсутствие единой системы критериев установления ограничений приводят к снижению их эффективности, вызывают проблемы у правоприменителя.

Возвращаясь к анализу указанного постановления КС РФ, необходимо отметить, что признавая неконституционность положений п. 4 ч. 4 ст. 17 ФЗ «О службе в ОПи РФ» ст. ст. 17, 19 (чч. 1 и 2), 32 (ч. 4), 37 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации «в той мере, в какой он устанавливает безусловный и бессрочный запрет поступления на службу в ОПи РФ для лиц, уголовное преследование которых по делам частного обвинения было прекращено в связи с деятельным раскаянием, и ставит таких лиц в неравное положение с лицами, уголовное преследование которых по делам частного обвинения прекращено по другим нереабилитирующим основаниям», фактически КС РФ указал на необходимость признания равенства всех оснований освобождения от уголовной ответ-

ственности (в контексте дел частного обвинения) применительно к возникновению последующих правоограничений.

Применительно к делам частного обвинения данное правило должно было бы быть распространено и на все иные нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности (а также категории дел), однако исключительность ст. ст. 76¹ и 76² УК РФ по-прежнему сохраняется, в силу того, что указанные в них нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности отсутствуют в соответствующих нормах федеральных законов, регламентирующих порядок прохождения службы в ряде силовых ведомств Российской Федерации.

Представляется, что при внесении корректив в рассматриваемые и иных федеральные законы, касающиеся оснований отказа в приеме на службу либо прекращения службы, не были учтены изменения, произошедшие в УК РФ, и невнесение в соответствующие нормы оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных ст. ст. 76¹, 76² УК РФ, является следствием технической ошибки, которая, как выяснилось, имеет далеко идущие последствия, а именно, ставит в привилегированное положение лиц, совершивших преступление и освобожденных от уголовной ответственности по этим основаниям по сравнению с лицами, освобожденными по другим основаниям, перечисленным в соответствующих федеральных законах.

Кроме того, указание в данных нормативных правовых актах на прекращение уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим по делам частного обвинения предполагает не освобождение от уголовной ответственности, предусмотренное ст. 76 УК РФ, а прекращение уголовного производства по делам частного обвинения, которые не только возбуждаются, но и прекращаются по заявлению потерпевшего. Такое процессуальное прекращение уголовного дела вообще представляется спорным с точки зрения приоритета материального права, поскольку оно не предусмотрено статьями УК РФ в качестве основания освобождения от уголовной ответственности. Для него не требуется положительного посткриминального поведения лица, совершившего преступление, а соответственно, сравнение этих мер (основания освобождения от ответственности (ст. 76 УК РФ) и процессуального основания прекращения уголовного дела (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) является некорректным.

В результате КС РФ, понимая и факт технического упущения в части невключения в федеральные законы оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных ст. ст. 76¹, 76² УК РФ, и разницу между процессуальным и материальным основаниями освобождения

от уголовной ответственности, тем не менее вынужден в очередной раз каким-то образом обосновывать законность нелогично установленных общеправовых ограничений, делая упор только на неконституционности их бессрочного применения.

Считаем, что подобного рода проблемные вопросы могли бы быть устранены из правовой практики путем официального признания и закрепления в УК РФ уголовно-правового статуса всех общеправовых последствий совершения лицом преступления, указанных в настоящее время в таком множестве федеральных законах, что даже специалисты, погруженные в исследование данной проблемы, не возьмутся определить их точное количество.

Придание уголовно-правового характера рассматриваемой группе правоограничений позволит контролировать и систематизировать процесс выбора таких критериев, как основания, сроки, объем правоограничений в той либо иной сфере жизнедеятельности, а также создаст условия для индивидуализации этих параметров применительно к конкретному лицу, совершившему преступление.

Список источников

1. *Елинский А. В.* Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. 2011. № 6.
2. *Архенгольц И. А.* Судимость и ее общеправовые последствия : монография, Казань, 2020.
3. *Ревнов Б. А.* Отдельные особенности общеправовых последствий судимости // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5.
4. *Давитадзе М. Д.* Уголовно-правовые последствия судимости // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4.
5. *Нечепуренко А. А.* Пределы правоограничений, устанавливаемых для лиц, совершивших преступления // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1(2).
6. *Филимонов В. Д.* Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии). / отв. ред. д-р юрид. наук. проф А. Л. Ременсон. Томск, 1970.
7. *Карпов К. Н.* Систематизация «общеправовых» последствий совершения преступления как средств социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1(37).
8. *Щедрин Н. В.* Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4(31).

Т. Н. Нуркаева, М. А. Артамонова

Эвтаназия в уголовном праве и содействие совершению самоубийства: спорные вопросы толкования и квалификации

Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ¹ в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья человека, предотвращения совершения самоубийств среди населения России в УК РФ была введена ст. 110¹, которая объединяет две самостоятельные нормы: склонение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110¹ УК РФ) и содействие совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110¹ УК РФ). С появлением указанных норм возникли проблемы, связанные с их применением. Одной из них является проблема разграничения эвтаназии в уголовном праве и прикосновенности к самоубийству других лиц в форме содействия совершению самоубийства. По справедливому замечанию Н.А. Лопашенко, интерес к проблеме эвтаназии и ее уголовно-правовой оценке очень велик, хотя без внимания указанная проблема не оставалась никогда [1, с. 123]. С введением же новых составов преступлений интерес к возникшей проблеме не просто возрос, он требует своего научного осмысления и разрешения.

Сложность состоит в том, что законодатель, установив ответственность за содействие совершению самоубийства, тем самым создал предпосылки для конкуренции уголовно-правовых норм, речь идет прежде всего о так называемом «ассистированном самоубийстве» (самоубийстве при помощи врачей), которое тесно соприкасается с эвтаназией. Не случайно в теории уголовного права понятия «эвтаназия» и «ассистированное самоубийство» нередко отождествляются. Например, А. А. Рерихт полагает, что «ассистированное самоубийство» является одним из видов эвтаназии, суть которой заключается в том, что больному предоставляются средства, с помощью которых он может лишить себя жизни (например, яд), но применяет он это средство сам» [2, с. 169]. Сходную позицию занимает и М. А. Мокосеева, предлагая называть «ассистированное самоубийство» убийством с помощью врача [3, с. 106].

Чтобы разобраться в возникших вопросах, обратимся к толкованию употребляемой в законодательстве и теории уголовного права терминологии.

¹ О внесении изменений : УК РФ и статью 151 УПК РФ в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению : федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Слово «эвтаназия» в переводе с греческого дословно означает «хорошая смерть» («eu» — хорошо, «thanatos» — смерть). Уголовному законодательству этот термин незнаком, а в теории уголовного права даются разные определения этого понятия. Так, О. С. Капинус под эвтаназией понимает «умышленное причинение смерти неизлечимому больному, осуществленное по его просьбе врачом, фельдшером или медсестрой, а также иным лицом по мотиву сострадания к больному и с целью избавления его от невыносимых физических страданий» [4, с. 63]. Подобную точку зрения высказывает Ю. А. Чернышева, определяя эвтаназию как «акт медицинского вмешательства, производимый по просьбе безнадежно больного пациента в целях избавления его от физических и моральных страданий легким ускорением смерти какими-либо действиями или средствами» [5, с. 71].

Таким образом, суть эвтаназии сводится к одному: избавить больного человека, не имеющего надежды на исцеление, от мучительной боли, страданий физического, душевного и социального характера, а мотивом деяния является сострадание к больному человеку.

На сегодняшний день на территории Российской Федерации эвтаназия законодательно запрещена, под уголовно-правовым запретом находится как активная, так и пассивная ее формы². Это положение нормативно отражено в ст. 45 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 19.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которая устанавливает запрет эвтаназии, понимая под ней «ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента». Такие действия в теории уголовного права и судебной практике квалифицируются как «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ)³.

Иллюстрацией сказанному является дело в отношении Корсакова В. С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1

² При активной эвтаназии действия медицинского работника направлены на умышленное причинение быстрой и легкой смерти по заранее принятому решению неизлечимо больного. Напротив, пассивная эвтаназия связана с невыполнением медицинским работником врачебных манипуляций, которые могли бы продлить жизнь больного.

³ Интересен факт, что УК РСФСР 1922 г. содержал норму, оправдывающую убийство по настоянию потерпевшего лица из чувства сострадания. Так, в ст. 143 имелось примечание, согласно которому это деяние признавалось ненаказуемым. Однако это примечание просуществовало недолго (всего шесть месяцев) и 11 ноября 1922 г. постановлением ВЦИК было исключено.

ст. 105 УК РФ, за убийство сожительницы Ф., у которой имелось онкологическое заболевание с осложнениями, не поддающееся лечению. Из дела видно, что Ф. в течение нескольких месяцев не могла самостоятельно обслуживать себя, состояние ее здоровья ухудшалось, она испытывала сильные боли, из-за чего дважды предпринимала попытки суицида. Корсаков В. С. один ухаживал за потерпевшей, видел, как она мучалась, жалел ее. В день совершения преступления Ф. вновь сказала, что больше не может терпеть боль и стала просить его помочь ей уйти из жизни, показав глазами на простыню. Из сострадания к Ф., он взял простыню и сдавил ею шею потерпевшей. Последняя при этом говорила: «Давай смелее, не бойся». Имея умысел на причинение смерти Ф., подсудимый сдавил шею потерпевшей, перекрыв дыхательные пути, и удерживал так, пока Ф. не перестала подавать признаков жизни. Это было сделано, так как он не мог больше наблюдать за мучениями Ф.⁴

Однако российскому обществу широко известна дискуссия 90–х гг. прошлого столетия о праве человека, обладающего разумом и волей, не только на жизнь, но и на смерть. Широкую общественность волновал вопрос о том, вправе ли человек распоряжаться своей жизнью, данной ему как высшее социальное благо. Особенно, когда речь идет о неизлечимо больном человеке, испытывающем сильные страдания, мучения.

Вопрос о допустимости эвтаназии в России не утратил своей актуальности и сегодня, имеет сторонников и противников. Среди отечественных ученых-правоведов также существуют противоречивые мнения. Например, Ю. А. Конюшкина отрицает применение эвтаназии в России, указывая на то, что ускорение смерти больного предполагает принудительное возложение на врача роли пособника самоубийства, что может противоречить его психологическим особенностям. Кроме того, на пациента может оказываться как психологическое, так и физическое давление, может осуществляться подкуп медицинского персонала со стороны родственников пациента и других лиц, а также злоупотребление должностным положением со стороны медицинского персонала. Нельзя недооценивать и религиозный аспект этой проблемы, поскольку по религиозным канонам самоубийство признается грехом [6, с. 59].

Напротив, по мнению С. В. Тасакова, запрет эвтаназии неконституционен, поскольку противоречит принципам обеспечения свободы и человеческого достоинства. Кроме того, право на жизнь и право на смерть связаны между собой. Возможность самостоятельного распоряжения

⁴ Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 21 июня 2012 г. по делу № 1-280/12. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 19.06.2023).

своей жизнью, в том числе решение вопроса о ее прекращении, является составляющей права человека на жизнь [7, с. 41].

Полагаем, что сама идея эвтаназии как проявления естественного права человека распоряжаться своей жизнью вполне допустима, но только в экономически развитом, зрелом в нравственном отношении обществе и в отношении определенной категории лиц (неизлечимо больные), которые по состоянию здоровья испытывают чрезвычайно сильные физические и нравственные мучения и страдания. Что касается России, то мы придерживаемся позиции противников введения эвтаназии, поскольку в условиях реальной действительности это может привести к злоупотреблениям в отношении определенной категории наименее защищенных лиц. Кроме того, по справедливому замечанию некоторых авторов, эвтаназия способна парализовать развитие научного прогресса в области медицины, поскольку ученым этой области незачем будет вести разработку новых действенных средств для борьбы с неизлечимым недугом [5, с. 42].

С учетом сказанного, считаем, что на данном этапе развития общества нецелесообразно вводить новый привилегированный состав — убийство по просьбе потерпевшего (или из сострадания). Полагаем, что наличие среди обстоятельств, смягчающих наказание, такого обстоятельства, как совершение преступления по мотиву сострадания, вполне достаточно для индивидуализации уголовной ответственности в этих случаях [8, с. 82].

Эвтаназия с точки зрения общего круга этических, правовых и социальных вопросов тесно сопрягается с проблемой так называемого «ассистированного самоубийства».

Слово «ассистент» согласно Толковому словарю русского языка означает «помощник высококлассного специалиста (хирурга, профессора и т. п.)»⁵. Следовательно, «ассистированное самоубийство» или самоубийство с помощью врачей либо иных медицинских работников означает предоставление неизлечимо больному пациенту по его просьбе средств (например, лекарственных) либо оказание другой помощи (например, консультативной) для самостоятельного ухода пациента из жизни.

Полагаем, что точная квалификация самоубийства, совершенного «с помощью» медицинских работников (врачей), во многом зависит от юридической оценки действий медицинских работников. Здесь возможны разные ситуации.

⁵ Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova> (дата обращения: 19.06.2023).

Например, ситуация, когда неизлечимо больной, находящийся в разуме и сознании, принимает самостоятельное решение уйти из жизни, о чем просит врача. Если последний, понимая ситуацию, предвидит возможность наступления смерти пациента в любом случае и, руководствуясь мотивом сострадания, отключает систему жизнеобеспечения или вводит в организм больного «летальную» инъекцию, в результате чего больной умирает, то налицо эвтаназия и действия врача следует квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

В случаях, когда врач дает неизлечимо больному человеку, принявшему самостоятельное решение уйти из жизни, советы (рекомендации) по применению средств для совершения им самоубийства, то такие действия следует квалифицировать как содействие совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110¹ УК РФ), а если наступили указанные в законе последствия, то по чч. 4–6 ст. 110¹ УК РФ. Принципиальное отличие таких случаев от эвтаназии состоит в том, что непосредственные действия, приводящие к смерти, совершает сам пациент, врач же, зная о неизлечимой болезни и страданиях пациента, предоставляет ему информацию, касающуюся способов самостоятельного ухода из жизни.

Если же неизлечимо больной еще не принял решения уйти из жизни и действия медицинского работника (врача) сводятся к тому, чтобы склонить его к совершению самоубийства путем, например, уговоров, предложений, то налицо склонение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110¹ УК РФ).

Отсутствие официальных статистических данных по рассматриваемой категории дел свидетельствует о высокой латентности подобных деяний, а также трудностях, возникающих в процессе их доказывания. Следователям, например, сложно привлечь лицо к уголовной ответственности за единичные факты дачи советов, указаний, предоставления информации, средств или орудий совершения самоубийства. Тем не менее обозначенные нами теоретические модели поведения виновных и их влияние на квалификацию в реальной жизни вполне возможны.

Таким образом, «ассистированное самоубийство», являясь разновидностью содействия совершению самоубийства со стороны медицинских работников, обладает своей спецификой, не позволяющей отождествлять подобные действия с уголовно наказуемой эвтаназией. Сформулированные нами рекомендации имеют практическое значение и направлены на отграничение уголовно наказуемой эвтаназии от так называемого «ассистированного самоубийства».

Список источников

1. *Лопашенко Н. А.* Убийства. М., 2013.
2. *Рерихт А. А.* Ассистирование при самоубийстве // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4 «Государство и право». Реферативный журнал. 2012. № 3.
3. *Мокосеева М. А.* Проблемы реализации права человека на жизнь // Марийский юридический вестник. 2013. Выпуск 10.
4. *Капинус О. С.* Эвтаназия в свете права на жизнь. М., 2006.
5. *Чернышева Ю. А.* Причинение смерти лицу по его просьбе: уголовно-правовое, уголовно-политическое, криминологическое и социально-правовое исследование : монография. М., 2011.
6. *Конюшкина Ю. А.* Об эвтаназии // Юрист. 2002. № 9.
7. *Тасаков С. В.* Запрет эвтаназии унижает человеческое достоинство // Российская юстиция. 2003. № 2.
8. *Нуркаева Т. Н.* Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

С. В. Тасаков

Уголовно-правовые и нравственные аспекты неуплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей

Согласно ст. 38 Конституции Российской Федерации материнство и детство, семья находятся под защитой государства. При этом трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях. Это свидетельствует о том, что данные институты представляют особую ценность для государства.

Соответствующее положение закреплено в ст. 87 Семейного кодекса Российской Федерации, который устанавливает обязанность совершеннолетних детей содержать нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей, а также заботиться о них. Дети могут быть освобождены от обязанности содержать своих нетрудоспособных и нуждающихся в помощи родителей, если судом будет установлено, что родители уклонялись от выполнения обязанностей родителей. Следует отметить, что дети освобождаются от такой обязанности в случаях, когда родители лишены родительских прав.

Эти институты находятся под защитой различных нормативных правовых актов: гражданско-правовых, административно-правовых,

норм семейного законодательства. Ответственность за наиболее опасные посягательства в данной сфере предусмотрена нормами уголовного законодательства. В соответствии со ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, совершенную без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения неоднократно, предусмотрено наказание до одного года лишения свободы. Данная статья является одной из наиболее действенных правовых гарантий, направленных на обеспечение защиты интересов детей и нетрудоспособных родителей.

В постановлении № 39 Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснен порядок применения судами законодательства об уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ)¹. Количество данных преступлений продолжает неуклонно расти. Так, если в 2018 г. было зарегистрировано 52 044 преступления по ст. 157 УК РФ, в 2019 г. — 52 516, в 2020 г. — 43 916, в 2021 г. — 55 202, то в 2022 г. — уже 56 055.

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 499-ФЗ² введено специальное основание для освобождения от уголовной ответственности — полное погашение задолженности по выплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Хотя, безусловно, сам факт введения данного основания нельзя не приветствовать, так как в силу экономических причин, не зависящих от уголовного закона, плательщик алиментов не всегда имеет возможность исполнять свои имущественные обязательства, а данное нововведение позволяет стимулировать должников к погашению имеющейся задолженности за содержание нетрудоспособных родителей.

И в этой массе преступлений лишь незначительная часть — это неуплата средств на содержание нетрудоспособных родителей (ч. 2 ст. 157 УК РФ). Понятно, что несовершеннолетний ребенок в меньшей степени способен отстаивать свои законные права и интересы, нежели взрослый родитель, что, отнюдь не исключает проблему необходимости содержания нетрудоспособных и нуждающихся родителей.

Родители редко обращаются к детям за помощью, и уж тем более — в суд за принудительным взысканием средств на их содержание, хотя

¹ О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 39.

² О внесении изменений в статью 157 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 499-ФЗ // Рос. газета. 2022. 11 янв.

и нетрудоспособные родители и совершеннолетние дети, равно как и родители и несовершеннолетние дети имеют равные обязанности по своему содержанию в отношении друг друга. И обусловлено это в первую очередь сложившимися в нашем обществе нравственными ценностями: ребенок для родителей всегда остается ребенком, что предполагает заботу о нем.

Принципиально отличается алиментное законодательство мусульманских государств. Дети обязаны содержать родителей, проявлять уважение, терпимость и милосердие к ним, содержать и поддерживать дедушку и бабушку. И регулируется это в первую очередь нравственными нормами. В случае же несоблюдения данных норм предусматриваются как телесные наказания, так и конфискация имущества. При этом вырученные от продажи конфискованного имущества деньги направляются на содержание родителей. Обязанность детей, достигших совершеннолетия, заботиться о своих нетрудоспособных родителях закреплена в законодательстве многих государств.

На наш взгляд, в нашей стране недостаточно внимания уделяется именно ответственности за уклонение совершеннолетних детей от уплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей, нуждающихся в помощи. Это безнравственно, ведь нетрудоспособные родители нередко признаются лицами, находящимися в беспомощном состоянии, если являются престарелыми или тяжело больными. Тем самым они, практически, приравнены к малолетним детям.

Факт нуждаемости нетрудоспособных родителей при этом определяется судом в каждом конкретном случае. Это и тяжелая болезнь, увечье, необходимость оплаты постороннего ухода и т. д. Неуплата же средств на их содержание должна быть совершена без уважительных причин. Данные причины определяются в каждом случае индивидуально.

Логичным считаем разграничение состава уклонения от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей на две самостоятельные статьи. Это позволит повысить эффективность данного института уголовной ответственности, учитывая, что их специфика существенно отличается.

Полагаем также целесообразным предусмотреть квалифицированный состав данного преступления, если оно совершено лицом, ранее судимым за аналогичное преступление, с наказанием до трех лет лишения свободы.

Анализируя практику применения наказания за данное преступление, мы столкнулись с рядом проблем. Так, представляется затрудни-

тельным расчет суммы задолженности граждан, зарегистрированных в налоговом органе как самозанятые, чей уровень дохода является незначительным и нерегулярным. На наш взгляд, необходимо закрепить порядок расчета суммы алиментов в отношении данной категории граждан в Методических рекомендациях, исходя из средней заработной платы, установленной в конкретном субъекте Российской Федерации.

Другая проблема связана с отсутствием правового регулирования дарения дорогостоящих подарков, оплаты лечения и т. д. в счет алиментных платежей. В настоящее время такое дарение нельзя признать алиментными платежами, так как они должны поступать на специальный счет взыскателя. Нередки случаи осуждения по ст. 157 УК РФ лиц, которые фактически несут расходы по содержанию несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей даже в большем размере, чем было установлено судом, однако не согласовывали свои расходы с взыскателем.

Нередко должники готовы оплачивать алиментные платежи вещами, услугами, но не имеют такой возможности, что вряд ли оправданно, если мы ведем речь о средствах на содержание взыскателя. Это должно осуществляться с согласия взыскателя, в противном случае — не засчитываться в сумму алиментных платежей. И это необходимо закрепить в соответствующем законе, чтобы избежать различного толкования.

Не случайно Пленум Верховного Суда в своем постановлении № 39 отметил, что покупка продуктов, дарение вещей, оплата расходов, хотя и не освобождают от обязанности уплачивать алименты в полном объеме, но подлежат исследованию и оценке судом при решении вопроса о наличии или отсутствии признаков состава преступления. Данные действия не должны носить постоянного характера, свидетельствовать о нахождении нетрудоспособных родителей на иждивении у лица, обязанного уплачивать алименты.

Неоднозначно решается вопрос и о сроках добровольного исполнения решения суда о взыскании алиментов. По своей правовой природе, алименты как обязательный платеж вносятся ежемесячно. Однако к алиментным обязательствам вряд ли применимы правила разумности срока, предусмотренные ст. 317 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В целях избежания ответственности за ненадлежащее исполнение средств на содержание нетрудоспособных родителей должники вносят незначительные систематические выплаты алиментов в период уклонения, так как фиксированные суммы выплат алиментов законодательством не установлены.

В соответствии с разъяснениями Конституционного Суда Российской Федерации³ частичное исполнение должником решения суда, выраженное в нерегулярных, незначительных платежах, несоизмеренных с суммой образовавшейся задолженности и полученных доходов, не исключает уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ.

Однако не всегда правоохранительные органы объективно оценивают данную ситуацию и принимают верное решение, исходя из регулярности платежей и размера официального дохода. Судебная практика в таких случаях также противоречива, на что обоснованно указывают И. Макеева и А. Харламова [1, с. 42]. На наш взгляд, данный вопрос также должен быть решен законодательно.

Кроме того, в ряде случаев неуплата средств на содержание нетрудоспособных родителей сопровождается сокрытием своих доходов либо предоставлением ложных сведений о своих доходах, что не получает должной оценки при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности.

Уголовная ответственность по ч. 2 ст. 157 УК РФ наступает при условии, если умышленная неуплата без уважительных причин алиментов на содержание нетрудоспособных родителей в нарушение судебного акта или нотариально удостоверенного соглашения совершена неоднократно. Таким образом, уголовная ответственность наступает в отношении лиц, которые ранее подвергались административному наказанию за аналогичное деяние и в период, когда такое лицо считалось подвергнутым административному наказанию, т. е. законодателем введена административная преюдиция.

³ По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез „Изыхский“»: постановление Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П // Рос.газета. 2001. 8 авг.; По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Траспова: постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 г. № 1-П // Рос. газета. 2002. 22 янв.; По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // Рос. газета. 2005. 22 июля.

Законодательно не урегулирована ситуация, связанная с наличием не одного, а нескольких судебных актов о взыскании алиментов в отношении двух или более взыскателей, на что справедливо указывает Д. Вешняков [2, с. 44].

Действительно, наличие у должника обязанности содержать не одного, а двоих родителей, алименты на которых взысканы разными судебными решениями в целом соответствует квалификации единого продолжаемого преступления, так как бездействие допущено в один период, имеет один мотив и одну цель. Особенно часто такие ситуации возникают при неуплате алиментов многолетними родителями, что не снижает актуальности данной проблемы и при неуплате средств на содержание трудоспособных родителей.

На наш взгляд, современный подход законодателя к понятию неоднократности не может содействовать единообразию правоприменительной практики, поэтому от термина «неоднократность» в рассматриваемом составе преступления необходимо отказаться.

Учет вышеуказанных проблем, сложившихся в правоприменительной практике, и высказанных предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства позволит более эффективно бороться с данными преступлениями и повысит правовые гарантии нетрудоспособных нуждающихся родителей.

Список источников

1. *Макеева И., Харламова А.* Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей // *Законность*. 2021. № 10.
2. *Вешняков Д.* Пределы применения уголовного законодательства об ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей // *Законность*. 2023. № 1.

Е. Н. Рахманова

Противодействие фейковым новостям в государствах Юго-Восточной Азии (АСЕАН)

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) учреждена в 1967 г. и сегодня в нее входят Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам. По некоторым оценкам в 2023 г. 88,9% жителей государств-членов АСЕАН являются пользователями смартфонов¹. Население предпочитает узнавать

¹ *Southeast Asia Digital Users Forecast 2023*. URL: <https://www.insiderintelligence.com/content/southeast-asia-digital-users-forecast-2023> (дата обращения: 12.07.2023).

новости в социальных сетях, а традиционные информационные каналы постепенно теряют свою популярность.

Этому способствовал также период вынужденного социального дистанцирования во время пандемии COVID-19, когда в АСЕАН, как и в других регионах мира, социальные сети превратились, по сути, в основной источник информации и общения. «Для многих людей общественная жизнь трансформировалась в цифровое участие. Активнее рассылалась различного рода информация от пользователя к пользователю. В таких условиях ведущую роль в распространении фейков сыграли социальные сети и мессенджеры, где фактчекингу авторы и получатели сообщений уделяли минимум внимания» [1, с. 53].

Фейковые новости имеют разное значение для каждого человека или сообщества, их содержание варьируется в зависимости от контекста. «Фейковая новость, — пишет А. В. Манойло, — это информационный вброс специально подготовленной информации заведомо провокационного и резонансного характера. При этом сам фейк может содержать как заведомо ложную, так и истинную (верифицируемую) информацию, вырванную из контекста конкретной беседы, разговора или выступления» [2, с. 40]. Целями распространения подобных новостей могут быть обман читателей, преследование личных интересов, таких как популярность или получение финансовой выгоды. Иногда фейковые новости являются частью более широкой и фундаментальной проблемы — информационной, экономической и даже национальной безопасности.

Государства АСЕАН, как и другие, вынуждены предпринимать специальные законодательные меры в целях противодействия распространению фейковых новостей. В 2018 г. на 14-й конференции министров информации стран АСЕАН была принята Совместная декларация о рамочной программе по минимизации вредного воздействия фейковых новостей². В преамбуле подчеркивается, что государства — участники Декларации признают, что Интернет и социальные сети улучшают доступ к информации и облегчают общение. В то же время распространение фейковых новостей — это проблема, которую необходимо решить, чтобы социальные сети стали надежным источником информации и безопасным пространством для всех пользователей. При этом контрмеры должны уважать национальный суверенитет и осуществляться на национальном уровне в соответствии с требованиями отдельных государств АСЕАН.

² *Framework and Joint Declaration to Minimize the Harmful Effects of Fake News*. 2018. URL: <https://cil.nus.edu.sg/databasecil/2018-framework-and-joint-declaration-to-minimise-the-harmful-effects-of-fake-news/> (дата обращения: 12.07.2023).

Законодательные акты, действующие в регионе и направленные на борьбу с фейковыми новостями, можно условно разделить на три группы: 1) уголовное и специальное законодательство; 2) законы в сфере информационных технологий и 3) чрезвычайные законы и указы, принятые во время пандемии COVID-19. Большинство государств применяют как ранее принятые законы об уголовной ответственности за диффамацию, законы о телекоммуникациях, Уголовный кодекс, так и новые.

Так, в 2017 г. Таиланд принял «Закон о компьютерных преступлениях»³, направленный на борьбу с нежелательным онлайн-контентом и криминализацию интернет-правонарушителей. Во втором разделе Закона говорится, что под преступлением понимается внесение в компьютерную систему ложных данных, «которые могут нанести ущерб поддержанию национальной безопасности, общественной безопасности, национальной экономической безопасности или инфраструктуре для общего блага нации, или для того, чтобы вызвать панику среди населения» (ст. 14 (1) (2)). Преступлением выступает передача «компьютерных данных с осознанием того, что именно компьютерные данные являются ложными» (статья 14 (2)). Любой поставщик услуг, который «сотрудничает, соглашается или потворствует» компьютерному преступлению, подлежит такому же наказанию, как и правонарушитель.

В свою очередь Сингапур в 2019 г. принял Закон «О защите от лжи и манипуляций в Интернете» (POFMA) или закон о фейковых новостях⁴. В Законе закреплено, что утверждение является ложным, если оно ложно или вводит в заблуждение полностью или частично, а также само по себе или в контексте, в котором оно появляется (ст. 2(2)). Закон распространяется, в том числе, и на поставщиков услуг, которые используются для передачи ложных заявлений о фактах, как в Сингапуре, так и за его пределами (ст. 9). За нарушение закона для физических лиц предусмотрены крупные штрафы и/или тюремное заключение. Для юридических лиц максимальный размер штрафа не менее чем в десять раз выше, чем для физических лиц (ст. 7–9).

Для применения закона необходимо соблюдение двух критериев. Во-первых, должна быть установлена ложь. Во-вторых, действия правительства должны отвечать общественным интересам, в том числе,

³ Закон о компьютерных преступлениях. 2550 г. по Р. Х. (2007 г.). URL: <https://prachataienglish.com/node/117> (дата обращения: 10.07.2023).

⁴ *Protection from Online Falsehoods and Manipulation Act 2019* (Act 18 of 2019). URL: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&p_isn=109960&p_count=3&p_classification=01 (дата обращения: 10.07.2023).

безопасности Сингапура и его дружественным отношениям с другими странами.

На Филиппинах ответственность за фальшивые новости предусмотрена Законом о предотвращении киберпреступности от 2012 г.⁵ и Законом № 3815 «Пересмотренный Уголовный кодекс»⁶. Фейковые новости считаются «общественными беспорядками», а потому согласно ст. 154 Уголовного кодекса к ответственности может быть привлечено любое «лицо, которое с помощью печати, литографии или любых других средств информации публикует или обеспечивает публикацию в качестве новостей любых ложных новостей, которые могут поставить под угрозу общественный порядок или нанести ущерб интересам или репутации государства». При этом, фальшивые новости, затрагивающие отдельных лиц, подпадают под действие иных законов или положений УК, и признаются клеветой.

В Малайзии распространение фейковых новостей квалифицируется в зависимости от обстоятельств дела как гражданский деликт либо как преступление. Основным законом является **Закон о коммуникациях и мультимедиа 1998 г.**⁷, который регулирует, среди прочего, передачу ложной информации (ст. 233). В 2018 г. он дополнен Законом о борьбе с фейковыми новостями⁸, который был отменен в 2019 г. после смены правительства. При этом Закон о коммуникациях и мультимедиа по-прежнему действует, как и Закон о диффамации 1957 г.⁹ и Уголовный кодекс (ст. 499)¹⁰. Преступлением является передача ложного комментария с намерением «раздразнить, оскорбить, угрожать или беспокоить другое лицо» (ст. 233(1)–(2)). Поскольку ни в одном из названных актов не дано

⁵ Cybercrime Prevention Act of 2012. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/national-practice/implementing-rules-and-regulations-cybercrime-prevention-act-2015> (дата обращения: 10.07.2023).

⁶ *Пересмотренный Уголовный кодекс* (Закон № 3815 от 08.12.1930 г.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/3465> (дата обращения: 10.07.2023).

⁷ *Communications and Multimedia Act 1998 Incorporating latest amendment* — Act A1220/2004. URL: https://www.mcmc.gov.my/skmmgovmy/media/General/pdf/Act-588bi_3.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

⁸ *Anti-Fake News Bill*, 2018. URL: <https://www.cljlaw.com/files/bills/pdf/2018/> (дата обращения: 09.07.2023).

⁹ *Defavation Act 1957 Incorporating all amendments up to 1 January 2006*. URL: <https://lom.agc.gov.my/ilims/upload/portal/akta/LOM/EN/Act%20286.pdf> (дата обращения : 09.07.2023).

¹⁰ *Penal Code (Revised 1997)*. URL: http://www.commonlii.org/my/legis/consol_act/pc1997141/ (дата обращения: 09.07.2023).

определения, что же именно понимается под ложной информацией или ложным комментарием, суды восполнили данный пробел. На основании толкования ст. 233 Закона о коммуникациях, сформулированы три вопроса, ответы на которые должно дать обвинение: 1) осуществлял ли обвиняемый общение через сетевое средство; 2) было ли сообщение «непристойным, ложным, угрожающим или оскорбительным»; 3) было ли сообщение направлено на то, чтобы «раздражать, оскорблять, угрожать или беспокоить другое лицо»¹¹.

В период пандемии в АСЕАН принимались чрезвычайные законы или указы, предусматривающие ответственность, в том числе, за распространение фейковых новостей. На Филиппинах в марте 2020 г. принят Республиканский закон № 11469, также известный как «Баянихан, чтобы исцелить как одно действие». Закон Баянихана предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 2 месяцев или штрафа в размере от 10 000 до 1 000 000 песо, или и тем, и другим по усмотрению суда в случае «распространения или предоставления ложной информации о кризисе COVID-19 в социальных сетях и других платформах»¹². Но действовал он только три месяца.

26 марта 2020 г. в Таиланде принят чрезвычайный Указ, который действует наряду с Законом о компьютерных чрезвычайных ситуациях. В Указе содержатся положения, запрещающие распространение ложных новостей, если сообщение или распространение через СМИ может спровоцировать общественный страх или будет выявлено преднамеренное искажение информации, а также введение вредной или ложной информации в компьютерную систему, если это наносит ущерб другим людям. В целях контроля был учрежден Центр управления COVID-19 (CCSA) и решено в связи с пандемией сократить объем информации в Интернете для предотвращения распространения ложных новостей¹³.

В апреле 2020 г. во Вьетнаме принят Указ 15/2020, который в ст. 101 предусматривает штрафы в размере от 10 до 20 млн донгов за злоупотребление социальными сетями, размещение или распространение ложной, искаженной или клеветнической информации, оскорбляющей репута-

¹¹ *Public Prosecutor v. Rutinin Bin Suhaimin*. URL: <https://cyrilla.org/en/entity/obx-3cl2k6qq> (дата обращения: 12.07.2023).

¹² *9 Things to Know about the Bayanihan to Heal as One Law*. URL: <https://www.fnslaw.com.ph/9-things-to-know-about-the-bayanihan-to-heal-as-one-act/> (дата обращения: 12.07.2023).

¹³ *Thailand: Emergency Decree as a response to Covid-19*. URL: <https://law.nus.edu.sg/impact/thailand-emergency-decree-as-a-response-to-covid-19/> (дата обращения: 12.07.2023).

цию учреждений и организаций или честь и достоинство отдельных лиц. Аналогичные штрафы налагаются за информацию, которая вызывает общественное беспокойство или провоцирует насилие и преступность, или подробно описывает акты убийств или несчастных случаев, а также за пропаганду отсталых обычаев, суеверий и непристойностей¹⁴.

12 марта 2021 г. в Малайзии принято Постановление о чрезвычайном положении. Под фейковыми новостями о COVID-19 в нем понимаются «любые новости, информация, данные и отчеты, которые являются полностью или частично ложными в отношении COVID-19 или объявления чрезвычайной ситуации, будь то в виде характеристик, визуальных или аудиозаписей или в любой другой форме, способной на внушение слов или идей» (с. 2). Постановление имеет экстерриториальное действие и не зависит от национальности или гражданства совершившего (ст. 3(1)), если оно касается Малайзии или «лицо, затронутое совершением преступления, является гражданином Малайзии» (ст. 3(2)). Для признания данных действий правонарушением необходимо доказать: 1) создание, предложение и публикацию ложных новостей, в том числе публикацию, содержащую ложные новости (ст. 4); 2) оказание финансовой помощи лицам, совершившим преступление, предусмотренное статьей 4 (ст. 5); 3) неудаление публикации, содержащей фейковые новости (ст. 6).

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов. Практически все государства, кроме Сингапура, приняли законы о киберпреступности или внесли поправки в действующее законодательство в области телекоммуникаций. В девяти странах распространение фейковых новостей признается преступлением, которое может влечь наказание в виде штрафа и/или лишения свободы. Вьетнам представляет собой исключение: деяния признаются административными правонарушениями, а штраф налагает полиция.

Важной проблемой, связанной с публикацией и распространением «фейковых новостей», является ответственность, налагаемая на поставщиков платформ социальных сетей. Индонезия — единственная страна, в которой применяются положения ст. 230 главы 47 Кодекса США о защите от частного блокирования и проверки публикуемых материалов (закон «О безопасной гавани»)¹⁵. Камбоджа, Лаос, Филиппины и Сингапур

¹⁴ *New decree details fines for bad behavior on social networks*. URL: <https://en.vietnamplus.vn/new-decree-details-fines-for-bad-behaviour-on-social-networks/168187.vnp> (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁵ 47 U.S. Code § 230 — Protection for private blocking and screening of offensive material. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230> (дата обращения: 12.07.2023)

ввели ответственность поставщиков платформ за содержание контента на их платформах. В остальных государствах правительство наделено полномочиями приказывать поставщикам платформ удалять контент, противоречащий закону.

Несмотря на принятые правовые акты и существующую практику, а также рамочную Декларацию термин «фейковые новости» либо официально не определен, либо нечетко сформулирован. В Сингапуре под ними понимаются сведения «ложные или вводящие в заблуждение, полностью или частично, а также сами по себе или в контексте, в котором они появляются». Но данное определение не устанавливает порога или критериев для определения того, что именно считается ложным, и не проводит различий между умышленной и неумышленной дезинформацией. Важной чертой рассматриваемых законодательных актов является их экстерриториальное действие.

Список источников

1. Борхсениус А. В. Информедия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1.

2. Манойло А. В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2.

А. В. Павлинов, Д. Б. Чураков

Спасение лесного фонда: законодательные, организационные, правоприменительные меры

Значительные масштабы незаконной рубки и лесных пожаров обуславливают серьезные негативные последствия для государства. Так, в 2022 г. объем незаконной рубки лесных насаждений составил 0,7 млн куб. м.¹ Еще более опасны лесные пожары, площадь которых в 2022 г. составила 3,3 млн га.²

Несмотря на большое количество нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы рационального природопользования, проблема рационального использования лесных ресурсов до сих пор остается законодательно не проработанной [1, с. 97]. В целях повышения эффективно-

¹ URL: <https://lesprominform.ru/news.html?id=19947> (дата обращения: 19.06.2023).

² URL: <https://rosleshoz.gov.ru/news/2023-03-31/n10490> (дата обращения: 19.06.2023).

сти противодействия лесонарушениям законодателем регулярно пересматриваются подходы к совершенствованию лесоохранных норм.

За последние годы реализованы многие законодательные инициативы. Так, регламентированы вопросы лесоразведения, на федеральный уровень переданы полномочия по лесоустройству, введен запрет на пребывание в лесах с лесозаготовительными машинами в отсутствие законных оснований для осуществления рубок лесных насаждений, усовершенствованы вопросы учета и транспортировки древесины, определены правила работы мест (пунктов) складирования древесины, установлена обязанность лесопользователей участвовать в тушении лесных пожаров, введены квалификационные требования для лиц, осуществляющих работы по лесоустройству и др.

Между тем усматриваются и иные направления совершенствования действующих норм лесного законодательства, профилактики лесонарушений³.

Представляется, что основная направленность экологической и экономической политики в сфере лесных отношений должна быть связана:

- со сбережением трудно восстанавливаемых природных ресурсов;
- с ориентацией не на рост количественных показателей их добычи (вырубки), а на улучшение условий деятельности в лесной отрасли, повышение степени переработки лесоматериалов;

- с ориентацией на задействование безопасных способов, минимизирующих причинение ущерба рекреационному потенциалу лесов (исключая какую-либо возможность варварских способов, в том числе путем поджога леса в целях дальнейшего его использования на пиломатериалы). Сегодня источники криминогенной детерминации превратились в самый крупный разрушительный феномен лесного фонда.

Необходима разработка федеральных и региональных профилактических программ, направленных на осуществление системного эколого-правового воспитания индивидуумов через распространение знаний о позитивном значении леса как природной экосистемы и в перспективе перевода их в разряд убеждений на уровне индивидуального и общественного сознания. Одним из первых в отечественной правовой и криминоло-

³ Авторы статьи представляли комплекс законодательных, организационных, правоприменительных мер, направленных на сохранение лесного фонда, в адрес организаторов парламентских слушаний «Спасение лесного фонда: природный, техногенный, человеческий факторы», прошедших под эгидой комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям 5 ноября 2019 г. Многие из них не потеряли своей актуальности и в текущий момент.

гической доктрине на значимость, востребованность эколого-правового просвещения и воспитания указывал А. Э. Жалинский [2с. 66]. Экологическое просвещение и пропаганда должны быть более профессионально-юридическими. Следует формировать активную гражданскую позицию по поводу проблемы сохранения лесных фондов путем включения населения в различные формы лесоохраны и лесовосстановления. Я. Б. Дидевич в связи с этим отмечает рост числа людей разного возраста, имеющих желание овладеть экологическими знаниями и быть компетентными в области правовой охраны природы, что обусловлено стремлением самостоятельно выявлять экологические нарушения [3, с. 72].

Следует согласиться с распространенной в литературе точкой зрения о необходимости совершенствования системы лесной охраны в Российской Федерации [4, с. 15; 5, с. 69]. Требуется значительное увеличение численности лиц, осуществляющих федеральный государственный лесной и пожарный надзор в лесах, конкретизация действий органов лесного надзора при передаче материалов в правоохранительные органы, введение ответственности за ненаправление таких сведений в правоохранительные органы.

В настоящее же время в условиях невозможности тотального контроля за обширными лесными территориями России, в силу отсутствия кадровых и финансовых возможностей, целесообразно:

- привлечь общественность к лесному контролю путем регламентации системы мер поощрения за осуществление общественного лесного контроля;

- создать интернет-ресурс по образцу карты свалок ОНФ, позволяющий фиксировать лесонарушения, их координаты, передавать их в органы лесного надзора, отображать результаты рассмотрения сообщений;

- установить в Правилах пожарной безопасности в лесах императивный запрет на их посещение гражданами при 5 классе пожарной опасности в лесах;

- ввести серьезные ограничительные меры на посещение и использование лесов в отдельных регионах, наиболее подверженных лесным пожарам и незаконным рубкам (возможно в виде эксперимента).

Необходимо расширение показателей экологического мониторинга в части наблюдения за лесами и регламентация его как системы контроля за принятием мер социального, правового, организационного, воспитательно-го характера, анализа и прогнозирования причин и условий, способствующих совершению правонарушений в сфере лесоохраны, а также оценки эффективности деятельности субъектов профилактики лесонарушений.

В целях предупреждения организованных проявлений преступности целесообразно введение уведомительного порядка на участие лиц, не являющихся штатными работниками лесопользователей (арендаторов), в заготовке древесины и санкций за его нарушение.

Фактором снижения латентности преступных лесонарушений, увеличения возмещаемости ущерба, причиненного преступлением могла бы стать регламентация исключения лишения свободы в случае полного возмещения ущерба, причиненного незаконными рубками и неосторожным уничтожением или повреждением лесных ресурсов (аналог — ст. 198 УК Республики Узбекистан).

В определенных мерах по совершенствованию правового механизма нуждаются вопросы оборота древесины. Необходимо установить статус древостоя, поврежденного пожаром, как социального материала, использовать его в первоочередном порядке для строительства жилья пострадавшим от лесных пожаров, для передачи его населенным пунктам в качестве компенсации ущерба, нанесенного лесными пожарами, а также упростить правовые механизмы вовлечения в законный оборот и последующее использования деловой древесины, образующейся при создании охранных зон, предназначенных для обеспечения безопасности граждан и создания необходимых условий для эксплуатации объектов, связанных с выполнением работ по геологическому изучению недр и разработкой месторождений полезных ископаемых, линейных объектов и др. (ст. 43–45 Лесного кодекса Российской Федерации).

Таким образом, перспективным является дальнейшее совершенствование нормативно-правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью в сфере лесопользования.

Список источников

1. Кабанова Ю. С., Агабабян А. А. Проблема рационального использования лесных ресурсов в России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 1.
2. Жалинский А. Э. Избранные труды. Т. 1. Криминология. М., 2014.
3. Дицевич Я. Б. Опыт правового регулирования деятельности по формированию экологической культуры (на примере Иркутской области) // Спутник высшей школы. 2022. № 5.
4. Чураков Д. Б. Противодействие преступным посягательствам на сохранность лесных и иных насаждений (уголовно-правовые и криминологические меры) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
5. Иксанов Р. А., Владимиров И. А. Правовое регулирование мер по использованию и охране лесов // Вестник БИСТ. 2021. № 1.

О. В. Гладышева

Возможен ли баланс публичных и личных интересов в уголовном судопроизводстве?

В науке имеются исследования частного, прикладного характера, а есть фундаментальные, приводящие к формированию концепций, совокупности взглядов, установок, векторов развития, которые становятся впоследствии объектами как критики, так и поддержки.

В большинстве своем современные исследования основываются на концепции уголовного судопроизводства, предложенной законодателем и основанной на принципах равенства прав сторон, их состязательности, приоритете защиты прав личности. Справедливости ради отметим, что плодотворность исследований в сфере уголовного судопроизводства выражается и в достаточно многочисленных научных разработках, предлагающих научному сообществу и законодателю свое видение развития отдельных элементов уголовного судопроизводства [1, с. 38; 2, с. 54].

Несмотря на законодательное закрепление концепции равенства прав сторон, их состязательности, приоритета защиты прав личности в уголовном судопроизводстве, она не была воспринята как бесспорная и в определенной части оспаривается учеными, которые приводят аргументы, указывая на отдельные ее недостатки либо принципиальные ошибки:

— не в полной мере учитывается специфика уголовного судопроизводства в плане закрепления состязательности, при этом критикуется отнесение следователя, дознавателя к стороне обвинения [3, с. 133; 4, с. 7; 5, с. 177; 6, с. 26; 7, с. 30; 8, с. 31; 9, с. 131];

— утверждается приоритет защиты прав личности, не обеспечивается полномасштабное участие адвоката в защите прав и законных интересов потерпевшего, для которого такое участие не является бесплатным [10, с. 54; 11, с. 31], что создает дисбаланс процессуальных возможностей, предоставляя обвиняемому дополнительные и необоснованные преимущества;

— расширение прав отдельных участников не имеет системного продолжения в виде процедуры их осуществления, что создает затруднения или препятствует их полноценной реализации (например, право адвоката собирать доказательства (ч. 3 ст. 86 УПК РФ) не сопровождается установлением порядка такого собирания) [12, с. 359];

— ходатайство стороны защиты о приобщении к уголовному делу материалов в качестве доказательств не имеет продолжения в виде обязанности следователя удовлетворять такую просьбу [13, с. 33];

— констатируется недостаточность судебного контроля, имеющего несбалансированные элементы, на что указывают ученые, отмечая связанность судьи, рассматривающего уголовное дело по существу, принятыми в порядке судебного контроля за досудебным производством решениями [14, с. 38; 15, с. 204] и др.

В этой сфере основной претензией к законодателю выступает то обстоятельство, что не были сбалансированы пути защиты публичных и частных интересов, которые, по мнению ряда ученых, выступают единственной основой для надлежащего порядка производства в рамках уголовной юстиции.

Стремление к балансу прослеживается в любой сфере: от государственного устройства до семейной жизни. Баланс или равновесие является признаком гармонии, свидетельствует о наличии устойчивости, служит символом надежности, а в уголовном судопроизводстве еще и признаком справедливости.

Что же означает баланс публичных и личных интересов в уголовном судопроизводстве? Самое первое, что учитывается при определении средств достижения баланса, так это установление равных процессуальных возможностей у должностных и частных лиц. В этой части самое простое решение — признание равенства прав сторон. Кроме того, частные лица властью не обладают, следовательно, им необходимы надежные рычаги «сдерживания» власти следователя, прокурора, суда. В этой роли должны выступать дополнительные преимущества частных лиц в виде исключительных возможностей, которых нет у государственных органов и должностных лиц. Наиболее весомым средством в этом ряду выступает принцип назначения уголовного судопроизводства, закрепленный в ст. 6 УПК РФ. В свете этого принципа противоречия между публичными и частными интересами, по мнению ученых, разрешаются теперь в пользу частных интересов. Это выражается в том, что защите прав частных лиц отдается приоритет в уголовно-процессуальной деятельности.

Вместе с тем государственные органы и должностные лица имеют более широкий круг полномочий. Отсюда и многочисленные жалобы частных лиц на незаконные действия и решения должностных лиц, ограничения их прав, в целом неудовлетворенность результатами уголовного судопроизводства. Ярким выражением публичности в уголовном судопроизводстве является отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения, который он не согласует с потерпевшим.

Проблема баланса частных и публичных интересов затрагивает фундаментальные основы уголовного судопроизводства [16, с. 3] и его част-

ные институты. Поэтому ведется постоянный поиск возможных путей ее решения в самых разных сферах: от модернизации принципов уголовного судопроизводства и до совершенствования механизмов реализации отдельных прав участников [8, с. 12].

Относительно баланса в уголовном судопроизводстве в литературе отмечается, что «общее благо, выраженное в уголовно-процессуальном праве (ст. 6 УПК РФ), должно отражать объективно необходимые всеобщие условия возможной совместной деятельности всех участников уголовного судопроизводства в качестве свободных и равных субъектов и тем самым одновременно всеобщие условия выражения и защиты блага каждого. Общее благо в сфере уголовного судопроизводства не должно быть отделено от блага каждого и не должно быть ему противопоставлено» [19, с. 9].

Стремление ученых подкрепить формулу назначения уголовного судопроизводства требованиями о свободных и равных участниках, всеобщем благе, соотнесении его с публично-правовой сферой мы в целом разделяем. Но в современных условиях эти взгляды представляются идеалистическими.

Подчеркнем, что имеющимися средствами, предусмотренными действующим уголовно-процессуальным законом, требуемый баланс между публичными и личными интересами установить либо невозможно, либо это будет недостаточно эффективно. Но если бы получилось установить такого рода баланс, то стал бы уголовный процесс более надежным, доступным, справедливым?

Например, создания баланса между публичным и личным интересом в сфере доказывания, путем наделения защитника правом самостоятельно собрать доказательства. При таком балансе получается, что следователь проводит свои процессуальные действия, а защитник — свои, и в итоге они составляют каждый свое заключение и направляют их в суд, а суд уже решает, чья позиция заслуживает внимания и принимает соответствующее решение. Вроде бы баланс достигнут, но так ли уж привлекателен полученный результат? Будет ли он отвечать публичным интересам в тех случаях, когда защитник, проводя собственное расследование в интересах доверителя, случайно либо по ошибке утратил то или иное доказательство? Как такой результат отразится на частных интересах потерпевшего? Будут ли эти интересы надежно защищены?

Поставленные вопросы и очевидные ответы на них убеждают в правильности и закономерности следующего вывода: частное расследование и расследование государственных органов, осуществляемые параллель-

но, только внешне свидетельствуют о создании баланса публичных и личных интересов, но приводят к ситуативно зависимому, а значит, непредсказуемому и ненадежному результату.

Рассмотрим баланс публичных и личных интересов еще на одном примере. Применение мер процессуального принуждения выступает одним из средств обеспечения публичного и в определенной степени личного интереса в уголовном судопроизводстве. Заключение обвиняемого под стражу гарантирует возможность его участия в процессуальных действиях, исключает продолжение им преступной деятельности, его воздействие на других участников. Подчеркнем, что здесь публичные и личные интересы (потерпевшего, гражданского истца и др.) совпадают. Следовательно, баланс в такой ситуации в принципе не нужен. Одновременно требуют учета частные интересы обвиняемого, находящегося под стражей. Следует ли в такой ситуации добиваться баланса? И, если да, то каким именно образом?

Представляется возможным единственное заключение: поиск баланса публичных и личных интересов в уголовном судопроизводстве нужно смещать с его процедуры на результат.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Уголовное судопроизводство направлено на достижение общественно и государственно значимой цели: ограждение всего общества от преступных посягательств, противодействие преступности как социальному явлению, что позволяет выдвинуть соображение об относительно уголовно-процессуального баланса и возможности при определенных обстоятельствах смещения равновесия в пользу государства.

2. Оценка достижения либо недостижения уголовно-процессуального баланса должна осуществляться не по признакам сопоставимости процессуальных возможностей, соответствия процедуры условиям состязательности, равенства, а по характеру и содержанию полученного результата, в качестве которого представляется промежуточное или итоговое процессуальное решение, в равной степени защищающее как публичные, так и личные интересы.

3. Признание возможности дисбаланса в сторону публичного характера уголовного судопроизводства не меняет отношения к правам частных лиц и не вступает в противоречие с Конституцией Российской Федерации, декларирующей приоритет прав и свобод личности. В условиях публично-регулируемого не возникает препятствий к созданию надежных гарантий прав и свобод личности, в том числе сохраняется используемый сегодня подход законодателя к обеспечению частных интересов.

Список источников

1. *Стељмах В. Ю.* Концепция прощения как альтернатива концепции компромисса в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. 2021. № 4.
2. *Смолин А. Ю.* Совесть или алгоритм: о технологических перспективах и противоречиях уголовного процесса // Российский судья. 2021. № 5.
3. *Шейфер С. А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти : монография. М., 2013.
4. *Середнев В. А.* К вопросу о роли и статусе следователя в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2017. № 1.
5. *Семенцов В. А.* Состязательность в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : мат-лы конф. М., 2020.
6. *Химичев М. В.* Судебный следователь и следственный судья как взаимодополняющие институты: отечественный и зарубежный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 2.
7. *Соловьев С. А.* Великий инквизитор: следственные органы в России против великого уравниателя — суда присяжных // Мировой судья. 2020. № 11.
8. *Мамонтова Д. О.* К вопросу о правовой природе процессуального интереса в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2019. № 11.
9. *Хроменков И. Р.* Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1.
10. *Бодрягина О.* Уголовный треугольник // ЭЖ-Юрист. 2009. № 47.
11. *Данильян А. С., Виноградова В. А., Ломакина А. А.* Участие адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего в уголовных делах о преступлениях против половой неприкосновенности // Адвокатская практика. 2020. № 1.
12. *Семенцов В. А.* Полномочия адвоката по участию в собирании (формировании) доказательств в уголовном судопроизводстве // Вопросы правоуедения. 2010. № 4.
13. *Давлетов А. А.* Обязан ли следователь приобщать к уголовному делу и закреплять в качестве доказательств материалы, представленные адвокатом-защитником? // Адвокатская практика. 2019. № 4.

14. Галимов Э. Э. К вопросу судебного контроля за досудебным производством // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 4.

15. Рябинина Т. К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи? // Lex Russica. 2017. № 12(133).

16. Дорошков В. В. Мироззренческие подходы к состязательности в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2019. № 7.

17. Качалова О. В. Учет судом оснований и условий применения заключения под стражу в качестве меры пресечения // Судья. 2019. № 9.

18. Герцен П. О. Реализация права на апелляционное обжалование и пересмотр промежуточных судебных решений, вынесенных в ходе досудебного производства: обеспечение баланса частных и публичных интересов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2023.

19. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилкова, Л. М. Володина и др.

В. А. Семенцов

Следственные действия в эпоху цифровых технологий

В эпоху цифровых технологий, когда наше восприятие мира через призмe цифрового пространства претерпело кардинальные изменения, актуализируется вопрос о внедрении данных технологий в разные сферы деятельности, включая уголовное судопроизводство. Преимущества «цифры» позволяют использовать новые технологии, базирующиеся на средствах электронно-вычислительной техники, компьютерных программах, базах данных, информационно-телекоммуникационных сетях и др.

При этом под цифровыми технологиями мы понимаем технологии с собственным программным обеспечением, которые предназначены для создания, хранения и распространения информации посредством вычислительной техники [1, с. 104]. Для нас очевидно, что «цифровизация не только существенно ускоряет и упрощает работу, но и становится важным фактором укрепления доверия населения к правоохранительным органам, призванным противодействовать преступности, охранять закон, порядок, права и свободы человека, за счет более открытой, прозрачной и удобной для всех деятельности [2, с. 52].

В то же время преимущества цифровых технологий не позволяют согласиться с достаточно категорическими суждениями отдельных авторов

об отмирании профессии юриста, которая рассматривается как наиболее консервативный вид деятельности человека. Невольно вспоминаются слова президента Сбербанка России Г. О. Грефа о том, что в результате цифровизации штат крупнейшего банка страны существенно сократится, а часть юридической работы будет выполняться при помощи роботов, в связи с чем следует перестать брать на работу юристов, «которые не знают, что делать с нейронной сетью» [3, с. 52]. В данном случае речь идет вовсе не об отмирании профессии юриста, а ее качественно новом уровне, связанном с использованием цифровых технологий.

И еще одно высказывание известного писателя Дэн Брауна в эпилоге его книги «Происхождение»: благодаря технологиям ... искусственный интеллект возьмет верх над человеческим, и они сольются в единое целое. И когда это случится, ... все мы, живущие сейчас... станем пережитком прошлого» [4, с. 560].

Перспектива современного человечества быть поглощенным искусственным интеллектом, пусть даже к 2050 г., выглядит не очень оптимистично.

Тем не менее в научной литературе по-прежнему можно найти утверждения о том, что профессия следователя как юриста, чья работа состоит в составлении протоколов следственных действий — это мертвая профессия [5, с. 80], а вместо следователя субъектом расследования может быть робот [6, с. 14].

Не отрицая огромного потенциала цифровых технологий, вряд ли можно согласиться с подобными утверждениями, поскольку в условиях цифровой реальности все же есть такие сложные и нетипичные юридические задачи, которые робот не может и не должен решать, что в полной мере относится к сфере уголовного судопроизводства, совершенствование которого должно происходить эволюционным путем, позволяющим избежать реализации радикальных предложений, в том числе об отмирании профессии следователя, имеющей творческий и познавательный характер. Как писал древнеримский политический деятель, блестящий оратор и философ Марк Туллий Цицерон, «знание законов заключается не в том, чтобы понимать их слова, а в том, чтобы постигать их смысл»¹.

Считаем, что для успешного использования цифровых технологий при производстве следственных действий необходим системный подход к нормативному закреплению общих правил их применения, обеспечение достоверности получаемой информации и гарантий безопасности участвующих лиц. Кроме того, требует своего решения проблема форми-

¹ 20 мудрых изречений Цицерона // Рос. газета. 2013. 6 дек.

рования единого подхода к использованию унифицированных цифровых средств, устройств, методов и программ при производстве следственных действий. Например, неоднозначно воспринимается предложение предусмотреть в законе новое следственное действие, основанное на цифровых технологиях, — онлайн-обыск [7, с. 117], с учетом отсутствия системного подхода к его процессуальной регламентации и рисков неоправданного ограничения конституционных прав граждан.

В уголовное судопроизводство внедряются не только цифровые технологии, но и технические средства, использование которых призвано повышать эффективность процессуальной деятельности. Подтверждением этому служат предписания ч. 6 ст. 164 УПК РФ, где предусматривается возможность применения при производстве следственных действий «технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств», а в ч. 2 ст. 166 УПК РФ отмечается, что при производстве следственного действия могут применяться фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись.

Действительно, технические средства фиксации, используемые при производстве следственных действий как основного способа собирания и проверки доказательств, позволяют компенсировать недостатки человеческого восприятия, запоминания, сохранения, воспроизведения, переработки и передачи поступающей информации. В результате достигается более высокая точность и полнота фиксации доказательственных материалов в их пространственных и временных соотношениях, повышаются тактические возможности проведения следственных действий.

Вместе с тем следует учитывать, что определение законодателем доказательственного значения применения технических средств как приложения к протоколу следственного действия во многом нивелирует те преимущества (по сравнению с обычным протоколированием), которыми обладают технические средства.

Решение данной проблемы видится в придании самостоятельно доказательственного значения результатам применения технических средств при производстве следственных действий путем соответствующего дополнения редакции ч. 2 ст. 83 УПК РФ и уточнения наименования процессуального вида доказательств, указанного в п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ [8, с. 30].

Что касается цифровых технологий, то наиболее известным направлением их использования при производстве следственных действий служит видео-конференц-связь, сущность которой заключается в одно-

временной передаче аудиовизуальной информации в режиме реального времени нескольким адресатам.

Прямое законодательное закрепление возможности применения технологии видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве было предусмотрено в первоначальной редакции УПК РФ 2001 г. (ч. 3 ст. 376), хотя исключительно для деятельности суда при поступлении уголовного дела с кассационными жалобой или представлением. В дальнейшем произошло еще несколько дополнений УПК РФ положениями об использовании систем видео-конференц-связи, но опять же применительно к деятельности суда.

А вот Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. в УПК РФ введена новая норма (ст. 189¹), предусматривающая особенности проведения уже на стадии предварительного расследования допроса, очной ставки и опознания с использованием систем видео-конференц-связи в режиме удаленного присутствия², что оценивается как существенный шаг вперед на пути расширения применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Однако предписания закона от 30 декабря 2021 г. рассматриваем как переходное, с перспективной применения видео-конференц-связи при проведении не только допроса, очной ставки и опознания, но и других следственных действий.

Проведение следственных действий может быть связано с применением электронного оповещения участников с помощью средств связи (ч. 2 ст. 188 УПК РФ): электронная почта, беспроводная (онлайн) видеосвязь, сотовая телефонная связь, СМС-сообщения и др., которые объединяет их широкое распространение у населения. Но использование электронного оповещения вместо повестки требует получения согласия на это адресата. Подтверждение этому находим в п. 15¹ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г., где сказано, что уведомление участников допускается с использованием СМС-сообщений в случае их согласия, что проявляется в заполнении соответствующей расписки, «в которой наряду с данными об участнике судопроизводства и его согласием на уведомление подобным способом указывается номер мобильного телефона, на который оно направляется»³. Фактически добровольное

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (часть I). Ст. 70.

³ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 (ред. от 1 июня 2017 г.) // Рос. газета. 2004. 25 марта (первоначальный текст).

согласие и предоставление номера телефона абонентом означают, что он будет считаться извещенным с момента поступления на указанный им номер мобильного телефона СМС-сообщения, подтверждением чему будет отчет о его доставке (информация о дате и времени отправки СМС-сообщения, текст отправленного сообщения, дата и время его доставки адресату). Указанные сведения о доставке СМС-сообщения можно распечатывать на бумажном носителе и хранить в уголовном деле. Представляется, что в условиях активной цифровизации уголовно-процессуальной деятельности электронное оповещение участников следственных и иных процессуальных действий с помощью средств связи должно полностью заменить порядок вызова по повестке, для чего потребуются внести соответствующие изменения в УПК РФ.

Рассматриваем как перспективное направление цифровизации использование возможностей беспилотных летательных аппаратов. Технические характеристики, программное обеспечение и мобильные приложения, относительная простота в управлении полетом, высокое качество получаемых фото- и видеоматериалов позволяют применять беспилотные летательные аппараты не только в военно-разведывательном деле, но и при производстве следственных действий, поскольку сегодня они обладают высоким потенциалом дальнейшего развития, с учетом уже имеющих сфер применения.

По мнению А. И. Бастрыкина, беспилотные летательные аппараты позволят более эффективно работать при проведении следственных действий (в частности, осмотров мест происшествий), поиске и фиксации предметов, имеющих значение для расследования. Именно поэтому Следственный комитет РФ планирует дополнительную поставку беспилотных летательных аппаратов в управления ведомства в Донецкую и Луганскую народные республики, а также в Запорожскую и Херсонскую области⁴.

Можно полностью согласиться с тем, что использование беспилотных летательных аппаратов обеспечивает следователю существенное повышение эффективности следственного действия в условиях открытого пространства за счет удаленной детальной фото- и видеофиксации труднодоступной местности, сложных участков дорог, лесных зарослей и др. Незаменим беспилотный летательный аппарат при расследовании крупных аварий техногенного характера и других резонансных преступлений, в случаях производства следственных действий в районах с повышенным радиационным фоном.

⁴ Газета.ру. 2023. 21 июня.

Эффективность беспилотного летательного аппарата подтверждается многочисленными примерами из следственной практики. Так, беспилотный летательный аппарат был успешно применен при осмотре места происшествия в случае покушения на кражу в крупном размере — участка 310 км магистрального газопровода «Парабель — Кузбасс», принадлежащего ООО «Газпром трансгаз Томск». Полученные с его помощью фотографии положены в основу обвинения по уголовному делу⁵.

При производстве следственных действий могут применяться и другие перспективные цифровые технологии: блокчейн, электронная идентификация личности, цифровой профиль лица, что вызывает необходимость продолжения исследования в этом направлении.

Список источников

1. Семенцов В. А. Цифровые технологии в отечественном уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 4.

2. Семенцов В. А. Цифровизация правоохранительной деятельности и роботизация юридической профессии // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1.

3. Герман Греф посоветовал юристам «забыть профессию» // Бизнес. 2017. 23 июля.

4. Браун Д. Происхождение : роман. [пер. с англ. И. Болычева, М. Литвинова-Комневич]. М., 2022.

5. Александров А. С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4.

6. Власова С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1.

7. Зазулин А. И. Онлайн-обыск как самостоятельное следственное действие: предпосылки, перспективы и недостатки // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / [редкол.: Ю. Н. Кулешов (отв. ред.) и др.]. Казань, 2022. Ч. 1.

8. Семенцов В. А. Борьба с преступностью в условиях глобализации: новые вызовы и поиски адекватных ответов : мат-лы XIV междунар. науч.-практ. конф. Нальчик, 2011.

⁵ Приговор Шегарского районного суда Томской области от 9 июня 2021 г. по делу № 1-25/2021. URL: <http://shegarsky.tms.sudrf.ru/> (дата обращения: 25.05.2023).

А. В. Кудрявцева, А. В. Петров

Процедура принятия промежуточных решений в уголовном судопроизводстве

В юридической литературе процессуальная форма определяется как «форма совершения предусмотренных законом действий и принятия предусмотренных законом решений и вместе с тем форма процессуального закрепления этих действий и решений (протокол, постановление, определение, приговор)» [1, с. 7]. Она обеспечивает решение задач и достижение целей уголовного судопроизводства и одновременно служит гарантией соблюдения прав его участников.

Так, процессуальная форма рассматривается как «регламентированная уголовно-процессуальным правом система и структура уголовно-процессуальных институтов и правил, процедура, последовательность стадий уголовного процесса, условия, способы и сроки совершения процессуальных действий, непосредственно или косвенно связанных с собиранием и исследованием доказательств на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, их закреплением в правовых актах, а также порядок принятия и оформления решений по отдельным вопросам и по делу в целом» [2, с. 121]. Процедура рассмотрения уголовных дел подробно регламентирована уголовно-процессуальным законом (главы 36–39 УПК РФ) с определением общих условий судебного разбирательства в соответствии с главой 35 УПК РФ и дополнена разъяснениями постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Общеизвестно, что процедура рассмотрения уголовных дел состоит из подготовительной части судебного заседания, судебного следствия, прений сторон и реплик, последнего слова подсудимого и постановления приговора. Регламентации каждого из этих этапов посвящена отдельная глава УПК РФ, которая разъяснена постановлениями Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» и от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»*. Для сокращенных порядков судебного заседания процедура регламентируется главами 40, 40¹ УПК РФ, которые подробно разъясняются постановлениями Пленума Верховного Суда РФ.

Этапы судебного разбирательства по уголовным делам следуют один за другим, имеют свои задачи, особенности, но каждый этап и все они в совокупности имеют своей целью реализацию принципов и общих

* Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

условий: состязательности, гласности, непосредственности, устности, предоставления возможности сторонам отстаивать свои правовые позиции, подсудимому защищаться от обвинения, возможности в представлении доказательств сторонами, что в итоге позволяет установить обстоятельства уголовного дела в соответствии с действительностью и назначить справедливое наказание виновному или освободить от уголовной ответственности, как по реабилитирующим, так и нереабилитирующим основаниям, т. е. разрешить уголовно-правовой конфликт между государством и личностью на основании признания подсудимого виновным или невиновным.

Вместе с тем рассмотрение материалов в рамках судебного контроля и исполнения приговоров имеют отличные от рассмотрения уголовного дела цели и задачи, при этом процедура рассмотрения таких материалов в уголовном судопроизводстве так подробно уголовно-процессуальным законом не регулируется. В частности, нормы главы 33 УПК РФ, регламентирующие общий порядок подготовки уголовных дел к судебному заседанию предназначен именно для создания условий рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции, но на практике по аналогии применяется и к рассмотрению жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ, и к рассмотрению вопросов в стадии исполнения приговоров.

Стадия подготовки судебного заседания отсутствует и постановление о назначении судебного заседания не выносится при рассмотрении ходатайств следователей и дознавателей об избрании, продлении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога, домашнего ареста запрета определенных действий, при рассмотрении ходатайств следователей и дознавателей, заявленных в порядке ст. 165 УПК РФ. Это объясняется необходимостью немедленного рассмотрения таких ходатайств, реализация которых связана с ограничением важнейших конституционных прав личности: на личную неприкосновенность, свободу, на неприкосновенность жилища, на тайну общения посредством телефонных переговоров, сообщений, переписки, права собственности.

При этом следует отметить, что уголовно-процессуальным законом стадия подготовки материалов к судебному заседанию не предусмотрена и по жалобам, поданным в порядке ст. 125 УПК РФ и в порядке исполнения приговоров. Вместе с тем необходимость определения подсудности жалоб, ходатайств, представлений, установления круга участников судебного заседания, наличия предмета рассмотрения, извещения участников судебного заседания, а также сроки рассмотрения требуют вынесения по-

становления о назначении судебного заседания либо постановления об отказе в принятии жалоб, ходатайств или представлений.

В частности, на наличие подготовительной стадии к судебному заседанию указывает п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 28.06.2022 N 22) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: «Рекомендовать судьям в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию выяснять, подсудна ли жалоба данному суду, подана ли она надлежащим лицом, имеется ли предмет обжалования в соответствии со статьей 125 УПК РФ, содержит ли жалоба необходимые сведения для ее рассмотрения. Решение о назначении судебного заседания оформляется постановлением применительно к требованиям части 2 статьи 227 УПК РФ.

В тех случаях, когда жалоба не содержит необходимых сведений, что препятствует ее рассмотрению (например, отсутствуют сведения о том, какие действия или решения обжалованы, жалоба не подписана заявителем, полномочия защитника или представителя заявителя не подтверждаются соответствующими документами), либо в жалобе содержатся нецензурные или оскорбительные выражения, жалоба подлежит возвращению заявителю для устранения недостатков с указанием в постановлении причин принятия решения и разъяснением права вновь обратиться в суд. В таких случаях по смыслу статьи 125 УПК РФ, срок рассмотрения жалобы — 5 суток исчисляется с момента поступления жалобы в суд после устранения препятствий ее рассмотрения».

Таким образом, Пленум отсылает правоприменителя к ст. 227 УПК РФ, регламентирующей полномочия судьи по поступившему уголовному делу. Полагаем, что уровень регулирования рассмотрения жалоб в порядке статьи 125 УПК в стадии подготовки к судебному заседанию требует внесения изменений в УПК РФ, поскольку правоотношения, возникающие при поступлении таких жалоб в суд, носят самостоятельный характер, существенным образом по своему содержанию отличаются от правоотношений, складывающихся при поступлении уголовного дела для судебного рассмотрения, а потому требуют подробного законодательного регулирования, а не только разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Многообразие правоотношений, возникающих при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ предполагает самостоятельное подробное регулирование на уровне главы, поскольку характер жалоб и разнообразие обжалуемых действий и решений должностных лиц, осуществля-

ющих уголовное преследование определяют дифференцированный подход к регламентации процессуальной формы рассмотрения жалоб. Подтверждением этому служит статья 125¹ УПК РФ, которая предусматривает полноценное судебное разбирательство с исследованием доказательств в порядке, предусмотренной главой 37 УПК РФ. Особо регламентируется вопрос о судебном порядке получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, если прошло более одного года с момента принятия такого решения, в статье 214¹ УПК РФ. Причем в ч. 1¹ ст. 214 УПК РФ делается отсылка к ст. 125 УПК РФ. Тем самым законодатель уже начал процесс дифференциации процессуальной формы судебного заседания в зависимости от сущности поданных жалоб и решений, действий (бездействия), которые обжалуются. Однако данное регулирование отрывочно, бессистемно и не всегда последовательно, недостаточно для осуществления судебного контроля за предварительным расследованием, целью которого является соблюдение конституционных прав участников уголовного судопроизводства и соблюдение гарантий допуска граждан к правосудию. Совершенно очевидно, что рассмотрение жалоб на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, на постановление о прекращении уголовного дела, на регистрацию заявлений и сообщений о преступлении предполагает обязательное исследование сущности вопроса, связанного с установлением признаков преступления в разной степени стандарта доказанности в зависимости от обжалуемого решения, но всегда предполагает обязательное исследование материалов или доказательств непосредственно в судебном заседании. При этом сама ст. 125 УПК РФ процедуру регламентирует весьма схематично: «В начале судебного заседания судья объявляет, какая жалоба подлежит рассмотрению, представляется явившимся в судебное заседание лицам, разъясняет их права и обязанности. Затем заявитель, если он участвует в судебном заседании обосновывает жалобу, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица. Заявителю предоставляется возможность выступить с репликой» (ч. 4 ст. 125 УПК РФ). Исследование каких-либо материалов не предусмотрено законом, а именно, на их исследовании и должно основываться постановление суда. В пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 28.06.2022 N 22) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» лишь воспроизводится ч. 4 ст. 125 УПК РФ, с уточнением содержания разъясняемых прав участников уголовного судопроизводства. В последующих пунктах (пп. 14–18)

этого же постановления более подробно раскрываются обстоятельства, подлежащие обязательному установлению в зависимости от предмета обжалования. Это также свидетельствует о необходимости более подробного регламентирования судебного заседания по вопросам судебного контроля.

В главе 47 УПК РФ, статье 399 УПК РФ также отсутствует упоминание об этапе (стадии) подготовки к судебному заседанию. Однако в пп. 32, 33 постановления Пленум Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» разъясняется: «При поступлении в суд ходатайства или представления по вопросам, связанным с исполнением приговора, судья проверяет, подлежит ли оно рассмотрению в данном суде, подано ли оно надлежащим лицом, приложены ли к нему документы, необходимые для разрешения вопроса по существу, и копии соответствующих судебных решений. Если в поступивших материалах не содержится достаточных данных для рассмотрения ходатайства или представления и в судебном заседании восполнить их невозможно, суд в ходе подготовки к его рассмотрению возвращает эти материалы для соответствующего оформления. В случае отсутствия документов, которые обязаны представить администрация учреждения или органа, исполняющего наказание, суд не вправе отказать в принятии ходатайства осужденного, его законного представителя или адвоката. Суд оказывает содействие в сборе сведений, которые не могут быть получены или истребованы осужденным, его законным представителем или адвокатом либо администрацией учреждения или органа, исполняющего наказание».

В пункте 33 указывается: «В ходе подготовки к судебному заседанию суд в соответствии с частью 2 статьи 399 УПК РФ решает вопросы о месте, дате и времени судебного заседания, об извещении участников судебного заседания в срок не позднее 14 суток до дня судебного заседания» именно из этих положений вытекает необходимость исследования представленных и полученных судом материалов, на основе которых принимается решение».

Таким образом, постановление Пленума Верховного Суда РФ подменяет собой закон, регулируя самостоятельные уголовно-процессуальные правоотношения, тем самым, фактически, восполняя пробелы в уголовно-процессуальном законе.

Если мы обратимся непосредственно к регламентации процессуального порядка рассмотрения материалов в уголовном судопроизводстве в стадии исполнения приговора, то мы увидим такую же необхо-

димось в более подробной его регламентации с учетом особенностей вопросов, рассматриваемых в рамках судебного контроля и исполнения приговора.

Так, часть 7 ст. 399 УПК РФ регламентирует процедуру рассмотрения вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора следующим образом: судебное заседание начинается с доклада представителя учреждения или органа, подавшего представление, либо с объяснения заявителя. Затем исследуются представленные материалы, заслушиваются объяснения лиц, присутствующих на судебном заседании, мнение прокурора, после чего судья выносит постановление. На практике судебное заседание начинается также с удостоверения личности участников судебного заседания и разъяснения прав его непрофессиональным участникам, однако упоминание об этой части судебного заседания в стадии исполнения приговора отсутствует и в законе, и в разъяснениях Пленума Верховного Суда.

В постановлении Пленума Верховного Суда от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» также не содержится разъяснения процедуры судебного заседания. Следует отметить, что разнообразие вопросов, решаемых судом в стадии исполнения приговора, предопределяет многообразие обстоятельств, подлежащих установлению при разрешении каждого из вопросов, указанных в ст. ст. 397, 398 УПК РФ.

Процедура рассмотрения ходатайств, поданных в порядке ст. 165 УПК РФ, в уголовно-процессуальном законе не урегулирована. В пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 года № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» определено: «По смыслу положений статьи 165 УПК РФ, в начале заседания судья объявляет, какое ходатайство подлежит рассмотрению, разъясняет явившимся лицам их права и обязанности, в том числе права на заявление отводов и ходатайств, представление относящихся к рассматриваемому вопросу материалов, участие в их исследовании. Затем лицо, возбудившее ходатайство, если оно участвует в судебном заседании, обосновывает ходатайство, суд исследует представленные материалы, заслушивает выступления явившихся лиц, мнение прокурора, участвующего в судебном заседании, после чего удаляется в совещательную комнату для вынесения постановления». Во многом данное постановление воспроизводит порядок судебного заседания, предусмотренного для рассмотрения жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ. Процессуальный порядок судебного заседания для ст. 165

УПК РФ также носит дифференцированный характер, особенно законом уделяется внимание рассмотрению такого вопроса как заявленное следователем или дознавателем ходатайство о производстве следственного действия, касающегося реализации, утилизации или уничтожения вещественных доказательств, что требует более подробной регламентации процедуры судебного заседания.

Также ч. 6 ст. 108 УПК РФ регламентирует процедуру рассмотрения ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу весьма схематично. При этом данные положения распространяются на избрание и продление любой меры пресечения, санкционируемой судом. Вместе с тем постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения» большое внимание уделяет исследованию материалов (доказательств), которые подтверждают основания, условия и обстоятельства, учитываемые при избрании и продлении сроков мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий.

Вместе с тем специфика рассмотрения ходатайств следователя об избрании таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест и залог, особенности обстоятельств, которые подлежат установлению при рассмотрении этих вопросов, требуют более тщательно и подробно регламентированной процедуры в законе.

На основе вышесказанного следует констатировать, что назрела потребность разработки универсальной процессуальной формы для судебных заседаний и стадии подготовки судебного заседания, с одновременной дифференциацией процессуальной формы и установлением особых процедур как для судебного контроля (ст. ст. 125, 108, 165, 214 УПК РФ), так и для стадии исполнения приговора (глава 47 УПК РФ). Полагаем, что это возможно в рамках отдельных разделов Уголовно-процессуального кодекса, регламентирующих судебный контроль и стадию исполнения приговора в отдельности, с особым вниманием к разработке универсальной процедуры судебного заседания для рассмотрения промежуточных судебных решений, а также дифференцированных процедур в зависимости от специфики рассматриваемых вопросов.

Список источников

1. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном процессе. М., 1981.
2. Курс советского уголовного процесса : общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца М, 1989.

Л. В. Брусницын

Обеспечение безопасности обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве

Предусмотренный главой 40¹ УПК РФ институт досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым и обвиняемыми (далее для краткости будем упоминать только обвиняемого) предназначен прежде всего для борьбы с организованной преступностью и иными опасными преступлениями. Лица, их совершающие, нередко принадлежат к криминальной субкультуре, запрещающей сотрудничество со следствием в каких бы то ни было формах, а нарушение этого запрета влечет расправу, вплоть до убийства «нарушителя».

Причиной того, что обвиняемый, несмотря на угрозу расправы, все же заключает указанное соглашение (далее — соглашение) и начинает избличать в преступных деяниях других лиц, является осознание, что следствием уже собрано достаточно доказательств, избличающих его в преступной деятельности, либо для их собирания нет препятствий, а потому в перспективе — суровое наказание. Сотрудничество же со следствием влечет существенное снижение наказания (ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ).

В силу вышесказанного о криминальной субкультуре, готовность ее представителей к сотрудничеству со следствием в значительной степени зависит от того, обеспечивается ли им защита от представителей преступного мира, т. е. защита от посткриминального воздействия. Содержание же такого обеспечения зависит от того, кого избличает лицо, заключившее соглашение: соучастников либо лиц, совершивших преступления без соучастия с ним. На избличение *соучастников* было указано в ч. 2 ст. 317¹, ч. 5 ст. 317⁴, п. 1 ч. 2 ст. 317⁶ УПК РФ. Что касается избличения *иных лиц*, то этот аспект оказался вне поля зрения отечественного законодателя, и потому никакого нормативного отражения в главе 40¹ УПК РФ не получил. Это сужало возможности борьбы с преступными сообществами, в которых обвиняемый мог быть соучастником лишь в некоторых эпизодах преступной деятельности сообщества, но обладать информацией и о других преступлениях, совершенных как рядовыми участниками сообщества, так, и это главное, его лидерами без соучастия с обвиняемым. Кроме того, последний может обладать информацией и об иных преступлениях, совершенных лицами, не связанными с преступной группой, в которую он входил.

Можно предположить, что именно это обстоятельство повлекло дополнение в 2016 г. ст. 317³ УПК РФ частью 2¹, согласно которой прокурор разъясняет обвиняемому, заявившему ходатайство о заключении соглашения, что он может быть привлечен к участию в уголовном деле «в отношении соучастников преступления и *иных лиц, совершивших преступления* (курсив наш — Л. Б.)». В то же время одна из ключевых статей главы 40¹ — ст. 317¹ — осталась без изменения, и в ней по-прежнему говорится о заключении соглашения для изобличения только соучастников. Наконец, в 2021 г. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» было дополнено п. 9¹ и абз. 2 в п. 16, из содержания которых ясно следует возможность заключения соглашения в целях изобличения обвиняемым лиц, не связанных с ним преступной деятельностью.

Первый вариант сотрудничества: обвиняемый изобличает соучастников. В этом случае уголовное дело в отношении него подлежит выделению из основного уголовного дела, в котором его соучастники продолжают либо начнут, благодаря его показаниям, фигурировать в качестве обвиняемых, а он будет участвовать в этом (основном) деле в статусе «лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве» (ст. 56¹ УПК РФ).

Второй вариант сотрудничества: обвиняемый изобличает лиц, к преступной деятельности которых не причастен (не соисполнитель, не организатор и т. д.). В этом случае не будет ни выделения уголовного дела в отношении обвиняемого, ни дачи им показаний в статусе, предусмотренном ст. 56¹ УПК РФ. Показания обвиняемого и иные доказательства, собранные следствием благодаря сотрудничеству с ним, позволят возбудить новое уголовное дело в отношении лиц, никак не связанных с обвиняемым в преступной деятельности, и потому в этом (новом) уголовном деле обвиняемый, заключивший соглашение, будет иметь статус обычного свидетеля, предусмотренный ст. 56 УПК РФ.

Как же обеспечивается безопасность лица, заключившего соглашение, в каждом из двух изложенных вариантов? Поскольку в первом случае изобличаемые являются соучастниками, им, безусловно, станет известно, кто изобличает их в преступлениях. Это обусловлено тем, что, во-первых, в основном уголовном деле произойдет замена обвиняемого, заключившего соглашение, новым участником процесса со статусом,

предусмотренным ст. 56¹ УПК РФ. Во-вторых, этот новый участник процесса в своих показаниях сообщит такие детали совершения преступления, которые могут быть известны только его соисполнителю либо организатору и т. д. В силу сказанного предоставление лицу, заключившему соглашение, для обеспечения его безопасности псевдонима (по аналогии с его предоставлением свидетелю в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ) лишено какого-либо смысла¹.

Применение же других мер из числа предусмотренных УПК РФ будет способствовать предотвращению посткриминального воздействия лишь на определенное время, например: заключившее соглашение о сотрудничестве лицо можно защитить от такого воздействия при производстве опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), либо при проведении судебного следствия в закрытом режиме (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК). Причина такой ограниченности (во времени) защиты от посткриминального воздействия в том, что осуществляют его лица, способные не только на угрожающие взгляды и жесты в адрес защищаемого субъекта, и не только лица, им избобличаемые; под угрозой оказывается сама жизнь лица, заключившего соглашения о сотрудничестве, поскольку те, кто ему угрожает, способны даже убить за нарушение норм криминальной субкультуры, являющейся представителями этой субкультуры — весьма обширного и далеко не всегда поддающийся установлению правоохранительными органами круга лиц.

Все изложенное приводит к следующим выводам по *первому варианту* сотрудничества обвиняемого со следствием.

1. Исчерпывающее обеспечение его безопасности, как правило, будет невозможным за счет мер безопасности из числа предусмотренных УПК РФ, применение которых не связано с какими-либо финансовыми затратами, и которых было бы достаточно в ситуации с обычным свидетелем.

2. Участие защищаемого лица под псевдонимом в основном уголовном деле возможно в редких случаях, например, когда преступление в соучастии совершено случайными знакомыми, которые после его совершения разбежались, чтобы не быть задержанными по горячим следам, и поэтому тот, кто избобличает соучастников, им неизвестен (по мнению автора, в подобных случаях предоставление псевдонима защищаемому,

¹ В связи с этим нельзя согласиться с Н. Н. Гусевой — сторонницей широкого использования псевдонима для защиты лиц, избобличающих соучастников [1, с. 107–109].

имеющему статус, предусмотренный ст. 56¹ УПК, допустимо по аналогии с предоставлением псевдонима свидетелю в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК). Если защищаемое лицо участвовало в основном уголовном деле под псевдонимом, то согласно ч. 4 ст. 303 УПК РФ и в приговоре в отношении соучастников защищаемого лица суд использует не подлинные сведения о защищаемом, а его псевдоним.

Необходимо учитывать, что в приговоре в рамках выделенного уголовного дела в отношении лица, заключившего соглашение, будут указаны персональные данные и его, и тех лиц, в соучастии с которыми он совершил преступление. И с этим приговором может ознакомиться весьма широкий круг граждан: это и участники судопроизводства, наделенные правом на ознакомление с приговором, и сотрудники канцелярии суда, в архиве которого хранится уголовное дело, и сотрудники администрации исправительного учреждения, в котором отбывает наказание защищаемое лицо, будучи осужденным. Все это делает возможной передачу информации о личности защищаемого лица тем, кого он изобличил, следовательно, создается возможность места ему. Заметим, что при нахождении защищаемого лица в исправительном учреждении изобличенные им соучастники не смогут непосредственно угрожать ему, так как будут отбывать наказание в других пенитенциарных учреждениях, но информация о его сотрудничестве со следствием и даче соответствующих показаний в суде может быть передана носителям тюремной (криминальной) субкультуры, отбывающим наказание вместе с защищаемым, что ставит под угрозу его жизнь².

3. За исключением, весьма редкой ситуации, когда личность сотрудничающего со следствием неизвестна соучастникам, для обеспечения его безопасности в ходе судопроизводства требуется применение мер безопасности, предусмотренных не УПК, а Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее — Закон о госзащите потерпевших), т. е. охраны обвиняемого, его помещения в безопасное место, при содержании под стражей — помещение в отдельную камеру и т. д. Естественно, наряду с этими мерами могут применяться (факультативно) и меры безопасности из числа предусмо-

² Возможные законодательные новеллы, которые закрыли бы указанную «брешь» в обеспечении безопасности лица, с которым было заключено соглашение для изобличения *соучастников*, автором здесь не рассматриваются случаи, когда возможно сохранение в тайне от соучастников личности одного из них в рамках первого варианта сотрудничества, крайне редки.

тренных УПК РФ (исключая псевдоним), например, уже упоминавшееся опознание в безопасных для опознающего условиях и т. п.

4. По окончании уголовного судопроизводства потребуется продолжение применения в отношении лица, заключившего и выполнившего соглашение, мер безопасности, предусмотренных Законом о госзащите потерпевших, а в период его нахождения в исправительном учреждении — и мер безопасности в соответствии со ст. 13, ч. 1 ст. 73, ч. 2 ст. 81 и иными нормами УИК РФ (перевод из одного исправительного учреждения в другое и др.).

Второй вариант сотрудничества, в отличие от первого, более реален. Сохранение в тайне сведений о лице, заключившем соглашение о сотрудничестве и имеющем статус свидетеля в уголовном деле, возбужденном в отношении иных лиц (не соучастников), вполне возможно — ведь он непричастен к их преступной деятельности, вследствие чего изобличаемые могут не подозревать, кто является источником информации об их деяниях. В этом случае безопасность защищаемого лица вполне обеспечивается предоставлением ему псевдонима, что позволяет не задействовать весьма дорогостоящий в применении Закон о госзащите потерпевших. Впрочем, использование псевдонима сопряжено со сложностями иного характера, например, показания, данные под псевдонимом, имеют меньшее доказательственное значение по сравнению с теми же показаниями, данными в обычном порядке [2, с. 71].

Возвращаясь к главе 40¹ УПК РФ, отметим, что законодатель посчитал необходимым предусмотреть в ней специальные нормы, направленные на обеспечение безопасности заключивших соглашение о сотрудничестве. К сожалению, эти нормы ничего не добавили к указанному обеспечению, о чем свидетельствует следующее.

Во-первых, согласно п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ в случае угрозы безопасности лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, материалы, идентифицирующие его личность, изымаются из основного уголовного дела и приобщаются к выделенному уголовному делу. Однако, как уже было отмечено, выделение уголовного дела в отношении сотрудничающего со следствием обвиняемого осуществляется в случаях, когда он изобличает своих соучастников, т. е. лиц, которым он известен, и которые знают, какие показания он может дать в отношении них. Это позволяет соучастникам без труда идентифицировать автора показаний. Поэтому указанная новелла (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ) не способствует обеспечению безопасности обвиняемого, сотрудничающего со следствием (единственное исключение — вышерассмотренный крайне

редкий случай участия защищаемого лица в основном уголовном деле под псевдонимом).

Во-вторых, согласно ч. 3 ст. 317⁴ УПК РФ в случае возникновения угрозы посткриминального воздействия следователь выносит постановление о хранении документов, перечисленных в ч. 2 той же статьи³, в опечатанном конверте; в соответствии с ч. 1 ст. 216 УПК РФ эти документы не предъявляются потерпевшему, гражданским истцу и ответчику при их ознакомлении с делом. Однако за счет этого невозможно скрыть роль обвиняемого в раскрытии преступления, поскольку его показания, благодаря которым оно раскрыто, остаются доступными перечисленным лицам при ознакомлении с делом. Поэтому названные нормы ничего не добавляют к обеспечению безопасности обвиняемых, избобличающих в преступлениях *соучастников*.

В-третьих, главу 40¹ завершает специальная статья (ст. 317⁹), согласно которой к обвиняемому применяются меры безопасности, указанные в ст. 11 и п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, и распространяются меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников процесса, предусмотренные федеральным законом. Но приведенные положения — лишь констатация того, что уже предусмотрено законодательством⁴.

В заключение отметим: возможна ситуация, когда обвиняемый дал показания, избобличающие иных лиц в преступной деятельности, но невыполнение им других обязательств, предусмотренных соглашением, повлекло в соответствии с ч. 5 ст. 317⁴ УПК РФ, вынесение прокурором постановления о прекращении действия соглашения. Такое постановление не должно автоматически влечь прекращения осуществления мер безопасности в отношении вышеуказанного обвиняемого; основанием их отмены может служить лишь устранение угрозы посткриминального воздействия.

Список источников

1. Гусева Н. Н. Процессуальное обеспечение безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

³ Ходатайство обвиняемого о заключении соглашения, постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении данного соглашения и ряд иных документов.

⁴ Допущена лишь юридико-техническая погрешность: ссылка в ст. 317⁹ УПК РФ на меру безопасности, предусмотренную п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, но такая ссылка не нужна, поскольку эта мера безопасности указана наряду с другими мерами в ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

2. Брусницын Л. В. Посткриминальное воздействие и некоторые аспекты участия потерпевших и свидетелей в уголовном процессе под псевдонимом // Судебная власть и уголовный процесс. Воронеж. 2018. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонова Мария Александровна — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Бабурин Василий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России.

Брусницын Леонид Владимирович — доктор юридических наук (г. Москва).

Карпов Кирилл Николаевич — кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России.

Гладышева Ольга Владимировна — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, заведующий кафедрой уголовного процесса Кубанского государственного университета (г. Краснодар).

Коробеев Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Кудрявцева Анна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, судья Санкт-Петербургского городского суда, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург).

Назаренко Геннадий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

Нечепуренко Алексей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, начальник редакционно-издательского отдела Омской академии МВД России

Нуркаева Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Самар-

ского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

Павлинов Андрей Владимирович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва).

Петров Александр Васильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского университета правосудия (г. Санкт-Петербург).

Семенцов Владимир Александрович — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета (г. Краснодар).

Ситникова Александра Ивановна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

Рахманова Екатерина Николаевна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург).

Тасаков Сергей Владимирович — доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Чураков Денис Борисович — кандидат юридических наук, старший помощник Волжского межрегионального природоохранного прокурора (г. Тверь).

СОДЕРЖАНИЕ

Коробеев А. И. Тенденции развития современной уголовно-правовой политики России в сфере законотворчества: общее и особенное	3
Бабурин В. В. Нормативно-правовые основы научных исследований в системе МВД России	10
Назаренко Г. В., Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права как инновационный проект	16
Борков В. Н. О роли и ответственности государства в современном обществе	22
Нечепуренко А. А., Карпов К. Н. Освобождение от уголовной ответственности и общеправовые последствия совершения преступления: анализ позиции Конституционного Суда Российской Федерации	27
Нуркаева Т. Н., М. А. Артамонова Эвтаназия в уголовном праве и содействие совершению самоубийства: спорные вопросы толкования и квалификации	35
Тасаков С. В. Уголовно-правовые и нравственные аспекты неуплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей	40
Рахманова Е. Н. Противодействие фейковым новостям в государствах Юго-Восточной Азии (АСЕАН)	45
Павлинов А. В., Чураков Д. Б. Спасение лесного фонда: законодательные, организационные, правоприменительные меры. . .	51
Гладышева О. В. Возможен ли баланс публичных и личных интересов в уголовном судопроизводстве?	55
Семенцов В. А. Следственные действия в эпоху цифровых технологий	60
Кудрявцева А. В., Петров А. В. Процедура принятия промежуточных решений в уголовном судопроизводстве	66
Брусницын Л. В. Обеспечение безопасности обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве	73

Научное издание

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных трудов

Выпуск 16

Редактирование и корректура О. В. Арефьева

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 29.12.2023. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 4,9. Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 80 экз. Заказ № 306.

